



Шеститомник «Чаша императора». Состоит из последовательности романов охватывающих эпоху с четвёртого по семнадцатый век. Одна книга является прямым продолжением другой. В исторической библиотеке они занимают место с 10 по пятнадцатый тома.

<https://www.litres.ru/luttoli/> – страница со всеми книгами писателя Люттоли

<https://www.luttoli/> – личный сайт писателя Люттоли.

<https://www.bormotulka.ru> – сценарный сайт писателя Люттоли

<https://t.me/luttoli> – Телеграм писателя Люттоли

<https://www.facebook.com/luttoli> – Facebook писателя Люттоли

<https://twitter.com/Luttoli> – Твиттер писателя Люттоли

<https://vk.com/lutoli> – Вконтакте писателя Люттоли

## **Для переводов писателю Люттоли**

Номер банковской карты: **5486 7320 0090 8327**

Яндекс кошелёк: **41001851135760**

Автор, авторские права – Люттоли

Романы входящие в шеститомник «Чаша императора»:

1. Константин Великий
2. Флавий Крисп
3. Чаша императора
4. 12-й легион
5. Луидор
6. Герцог Д, Эгийон

# Легион

---

## Глава 1

Снег...он шёл не переставая. Маленькая, невзрачная часовня и многочисленные неуклюжие строения, приобретали, всё более и более опрятный вид. Вечерние сумерки, оказались не в силах сдержать очарования погоды. Их словно накрыло тончайшим, белым покрывалом. И лишь величественное здание, созерцало за снежинками с холодной сдержанностью. Два высоких шпиля, на которых гордо красовались кресты, издали являли взорам, аббатство Сен-Виктор. Здание аббатства, было полностью сооружено из гладкого камня, в готическом стиле. Узкое и непомерно длинное, с многочисленными арками и колоннами, покрытое сплошь витиеватыми узорами, нанесёнными умелой рукой скульптура – оно вызывало молчаливое удивление с помесью настороженности у тех немногих, кто впервые оказывался в этом месте. Но то было, лишь первое впечатление, ибо здесь, на окраине Парижа, царило полное умиротворение. Стоило лишь бросить короткий взгляд на монастырский сад, как приходило понимание этой истины. Ибо там трудилась небольшая группа монахов. Они, покрывали хворостом, крышу деревянного строения, в котором содержался монастырский скот, пытаясь как можно надёжнее защитить их от снега. Но вот, работа закончена и пора возвращаться. Соблюдая заведённый порядок,

они выстроились по одному, и торопливо двинулись вперёд.

-Господи Иисусе!

Один из братьев, монахов - августинцев, споткнулся и едва не растянулся на каменистой площадке, уложенной неровными булыжниками. Его вовремя успели подхватить два других монаха, идущие вслед за ним. В тот же миг, раздался мягкий голос:

-Не давший упасть - да благословен будет!

-Не давший упасть - да благословен будет! -

повторили два десятка монахов, и осенив себя крестным знаменем, продолжили путь. Выстроившись вереницей, они, один за другим, преодолевали длинную лестницу, ведущую из монастырского сада к зданию аббатства. В воздухе то и дело мелькали потрёпанные сандалии и огрубевшие пятки. Всё остальное тело скрывала монашеская сутана. Едва последний августинец миновал лестницу, как громко зазвонили колокола аббатства Сен-Виктор, призывая всех к вечерней молитве. Поёживаясь от холода, монахи, один за другим, исчезали в дверях величественного здания, тем самым обозначая начало девятого канонического часа, кои получал дальнейшее продолжение на амвоне главной часовни аббатства. Расположившись, в строгом соответствии с монастырским уставом, и бросая умиленные взгляды на статую Христа, подле которого находился преподобный аббат Буандре, они приступили к божественному изложению Градуала. Время от времени, песнопение, вызывало на лице почтенного аббата, лёгкую гримасу раздражения. Видимо, в такие мгновения, он вспоминал трактат «О пении», Ги де Шарле, ученика святого Бернара, который советовал воздержаться от пения псалмов братьям, не готовым должным образом передать божественную силу молитвы. Вместо того, следовало заняться пением «Veni Creator» - источавшим раскаяние и сокрушение сердца, где звучанию голоса не придавалось особого значения.

В виду всего сказанного, почтенный аббат, не сумел сдержать облегчённого вздоха, когда чтение псалмов завершилось. Чуть позже, снова раздались удары колокола. Семь ударов – означали семь часов вечера, время отхода ко сну. Монахи, стали молча расходиться по кельям.

Едва последний из них покинул часовню, как аббат, преклонил колени перед статуей Иисуса Христа, и осеняя себя святым крестом, пробормотал:

– Прости их, господи..., и дай мне силы...далее терпеть эти муки!

Он поднялся, и собирался было покинуть часовню, но тут же вздрогнул и отпрянул в испуге назад.

Мгновением позже, у него на лице появилось отчётливое раздражение. В часовне, совершенно бесшумно, появился ещё один монах. В руках он держал горящий факел. Он не был похож на всех остальных. Мощную фигуру, даже монашеское одеяние не могло скрыть. На лице остались следы от сабельных ударов. Один из них – наиболее глубокий, спускался со лба до самого подбородка, словно разделяя надвое левый глаз. Отчего мрачное лицо приобретало откровенно угрожающее выражение. Аббат Буандре, неторопливо приблизился к этому человеку, и внушительно сказал:

– Брат Сервитер, я просил тебя, никогда не подкрадываться ко мне. И вообще, как у тебя получается...незаметно появляться? Неважно, – аббат махнул рукой, понимая, что и на этот раз не услышит ответ. Да он и не мог его услышать.

Человек, стоявший перед ним...был нем от рождения.

– Иди, проверь приёмную, хоры, кладовую, постройки осмотри...и не забудь лазарет. Ворота закрой на засов. Братья, не должны покидать стены монастыря в ночное время. И спрячь, это, – аббат указал на кончик шпаги торчавший из под рясы, рядом с правой сандалией. – А я тем временем, навещу бедняжку. Подумать только... и ей приходится прятаться.

Неисповедимы пути Господни! – аббат, снова

перекрестился, и более не мешкая, покинул часовню. Раздалось лёгкое шуршанье. Тот, кого называли «брат Сервитер», водрузил факел в пустой держатель на стене и скинул с себя рясу. Под рясой оказалась тонкая кольчуга. Она была надета поверх длинной рубашки. К поясу была пристёгнута шпага. Он ослабил ремни на поясе, к которым она была пристёгнута, приподнял их, и уже хотел снова закрепить, как...его взгляд упал на ножны. На лице у него появилось непонятное выражение. Он поднёс ножны к факелу. Пламя огня ярко осветило надпись на ножнах. «И смерть отступала, и преданность сверкала, отвага голову склоняла. Не слуге, но другу – король Франции».

Странные слова...но они вызвали у него судорожный вздох. Видимо, значение этих слов, ему было хорошо известно. Он вернул ножны на место, подтянул ремни, быстро накинул на себя рясу и взяв обратно факел, покинул часовню. Спустя несколько минут, он уже выходил в монастырский двор.

А почтенный аббат Буандре, тем временем, вошёл в небольшую келью, что находилась в самой Западной части монастыря. Келья, отличалась от всех других, скудной мебелью и перегородкой из грубого холста. Возле двери, слева от стены, лежала охапка соломы, а по другую стороны ширмы...раздался женский голос полный открытого очарования:

-Это ты, мой добрый друг?

-Нет, дитя, - как мог мягко ответил, аббат Буандре. Он откинул полог и прошёл на другую сторону. Здесь имелся старый сундук, простенька, но опрятная кровать, стол с письменными принадлежностями и стопкой книг,...стул, на котором сидела юная особа. При появлении аббата, она присела в поклоне, и прикоснулась губами к протянутой руке. Затем выпрямилась и устремив на аббата глубоко признательный взгляд, застыла в почтительной позе.

-Бедное дитя, тебе ли находиться здесь, среди

братьев нашего аббатства? – Буандре, сокрушённо покачал головой и продолжал столь же сокрушённым голосом, – Господь свидетель, я всячески пытаюсь помочь тебе, но...я слишком слаб.

– Не стоит беспокоиться обо мне, – тихо молвила в ответ, Изабель. – Мне ли роптать на судьбу, когда рядом со мной вы...и мой ангел- хранитель.

Аббат негромко кашлянул и с некоторой опаской оглянулся в сторону входной двери. И уж затем, понизив голос, прошептал:

– Признаться, дитя...именно из- за него я и пришёл. Мне неловко просить, но всё же...не могли бы вы избрать другое место для своих прогулок? Он пугает братьев. Признаться, и мне иногда становится не по себе когда я его вижу. Что уж говорить о несчастных крестьянах, которые везут скудную пищу в монастырь. Один из них, после встречи с ...этим человеком, стал заикаться. Лишь молитвы вознесённые Господу позволили избавиться от столь неудобного недуга.

– Можете не беспокоиться, святой отец, – с присущей ей мягкостью и смирением, отвечала Изабель, – впредь, мы никогда больше не станем прогуливаться в монастырском саду.

– Да благослови тебя, Господь! – аббат, осенил её крестным знаменем., и покинул келью.

После его ухода, Изабель, опустилась на стул. В глазах стала появляться тоска, а губы раскрылись, чтобы издать печальный шёпот:

– Я не ропщу, Господи. Пусть всё вершится только по твоей воле, ибо только от неё зависит моя жизнь. И если ты решишь отнять её у меня, я и тогда не стану роптать. Я лишь обращусь к тебе с мольбой – даровать свою милость тому, кто заслуживает её больше меня.

Странный монах опустился на корточки, медленно положил горящий факел перед собой, и закидал его снегом. Издав лёгкое шипенье, огонь быстро погас. Монах вскочил на ноги и быстро направился в

сторону той самой двери, откуда чуть ранее вышел. При этом он старался не упускать из виду всё пространство перед воротами, которые ему так и не удалось закрыть. Густой снег, валивший крупными хлопьями, мешал ему наблюдать за надвигающей опасностью, но он же скрывал его от возможных врагов. В тот миг, когда он исчез в проёме двери, во двор монастыря вступили около двух десятков вооружённых людей.

## Глава 2

Когда странный монах ворвался в келью к Изабель, она стояла в одной ночной рубашке и готовилась лечь в постель. Едва завидев его, она сразу всё поняла:

– Они здесь? – только и спросила Изабель глухим голосом. – Я знаю, что они здесь, иначе бы ты не вошёл ко мне. Ни братья, ни аббат не смогут нам помочь. Да мы и не должны подвергать их жизни опасности. Я останусь и приму свою участь. А ты беги... беги, мой добрый друг, спасай свою жизнь. В ответ рука монаха устремилась в сторону уложенного на столе платья. Этот жест сопровождался жёстким взглядом. Затем он отвернулся и скрестил руки на груди. В эти мгновения, Изабель получила ещё одно доказательство верности своего стража. Понимая, что всякие возражения бессмысленны, она стала быстро одеваться. Спустя мгновение в келье раздался твёрдый голос:

–Я готова!

Они лишь на мгновение встретились взглядами. Неизвестно, что именно увидела в глазах своего друга и защитника Изабель, но с того момента она более не произнесла ни слова.

А он сорвал с постели тонкое одеяло и укутал им девушку. Затем схватил за руку и повёл за собой. Отворив дверь, он осторожно выглянул наружу. Вокруг стояла полная тишина. Не было заметно ни единой души. Не отпуская руки девушки, он повёл её за собою по полутёмному коридору. Он шёл так быстро, как только мог, при этом стараясь укутать Изабель как можно плотнее в ветхое одеяло. Коридор привёл к маленькой двери. Она была заперта. Здесь монах отпустил руку девушку и начал отдвигать деревянный засов. Дверь бесшумно отворилась. В лицо обоим ударили тысячи снежинок. Сделав предостерегающий жест своей спутнице, монах вышел и быстро осмотрелся. После чего вернулся, снова схватил руку Изабель и вывел за собой наружу. Снежинки, подчиняясь порывам ветра, хлестали их, принуждая наклонять голову и прикрывать руками лицо.

Сжимая безжизненную руку, он целенаправленно двинулся к ограде монастыря. Где-то там должна была находиться калитка. До ограды оставалась самая малость, когда до слуха беглецов донёлся явственный шум. И что самое странное, шум шёл со стороны ограды. Ещё не видя опасности, монах осознал, что их загоняют в ловушку. По всей видимости, те, от кого они с Изабель скрывались в аббатстве и от кого бежали сейчас, успели расставить своих людей повсюду. Это предполагало предательство со стороны одного из братьев аббатства. Но рассуждать на эту тему было некогда. Следовало принять решение. И он его принял. Спустя мгновение, оба резко свернули вправо, и пригибаясь побежали в сторону одиноко возвышающейся колокольни. Они не видели врагов, но чувствовали их дыхание за спиной. Достигнув колокольни, они вбежали внутрь. Монах быстро задвинул тяжёлый деревянный засов на двери и стал отряхивать волосы от налипших снежинок. Видя, что девушка не собирается следовать его примеру, он сам, очень

бережно стряхнул их с волос Изабель. После этого, он одобряюще ей улыбнулся. В ответ, она лишь горестно качнула головой, давая понять, что эта напускная уверенность не смогла её обмануть. Прошло совсем немного времени, когда дверь начали сотрясать мощные удары. Вслед за ними раздались угрожающие голоса:

– Откройте дверь и сдавайтесь. Только так вы сохраните свою жизнь! Иначе мы убьём вас! Открывайте.

Изабель устремила на монаха умоляющий взгляд.

– Я знаю, что это ложь. Они не пощадят нас. Но ты.. ты можешь спасти свою жизнь. Они не станут тебя преследовать, если получат меня. Подчинись. Ты не сможешь спасти меня, но себя самого...обязан. Прошу тебя...

Ответом стал угрюмый взгляд и вздёрнутая рука. Она показывала Изабель на узкую лестницу, что вилась спиралью вдоль стены до верхнего основания башни. Не дожидаясь ответа, монах нагнулся и без видимого труда оторвал по кругу нижний край своей рясы вплоть до самого колена. Почувствовав полную свободу в движениях и избавившись от опасности запутаться в складках собственной одежды, он вытащил шпагу и снова устремил взгляд на девушку. Её глаза невольно наполнились слезами. Не нужно было никаких слов. Его поступки говорили о том, что он позволит прикоснуться к ней не раньше, чем сам расстанется с жизнью.

В этот миг раздался оглушительный треск, и в досках двери показалось острие топора. Один за другим посыпались тяжёлые удары. Дверь сотрясалась, во все стороны полетели щепки. Изабель смотрела на своего спутника так, словно прощалась с ним навсегда. Все её чувства выразились в лёгком рукопожатии. Одеяло сползло с её плеч. Монах подхватил его, и снова накинул ей на плечи. Затем взял за локоть и подвёл к лестнице, показывая взглядом чтобы она поднималась

наверх.

Подчинившись, Изабель поднялась по ступенькам – выше, выше. При этом она всё время оглядывалась и бросала тоскливый взгляд в сторону своего стража. Он находился спиной к ней и поднимался гораздо медленней, по причине того, что его взгляд был направлен в сторону двери. Старая дверь всё ещё сдерживала натиск нападавших. Но вот она закричала, а затем...с грохотом обрушилась. Внутри колокольни ворвались несколько вооружённых шпагами и кинжалами людей с перекошенными от злобы лицами. Быстро оценив обстановку, с яростными криками ринулись на монаха.

Монах фехтовал с молчаливым упорством. На его стороне была только лестница. На ступеньке могли уместиться не больше двух человек. И даже уместившись, они были стеснены в движениях, так как вполне могли в пылу боя задеть стоявшего рядом человека. Оттого картина разгорающегося боя напоминало осаду крепости. Наверху возвышался монах с мрачным лицом. Двумя ступенями ниже ещё два человека которые вели с ним бой. За ними возвышался лес шпаг готовых незамедлительно ринуться вперёд. Нападавшие, уже в первые мгновения осознали, что лёгкой победы им не видать. Они атаковали его раз за разом, но он не только успевал отбивать удары, но и ещё успел наносить удары могучим кулаком. Один такой удар буквально снёс противника с лестницы. Тело подлетело в воздух и опустилось на кончики шпаг тех, кто стоял за его спиной. Возникла неразбериха. Воспользовавшись замешательством врагов, монах внезапно выдвинулся вперёд и нанёс несколько мощных ударов ногами. Послышались проклятия. Толпа убийц стала откатываться назад. Но и он не сумел достаточно быстро отступить. На обоих ногах появились кровавые порезы.

-Он ранен, ранен! – раздались радостные голоса.

-Ранен? – раздался сзади монаха голос наполненный

болью.

Вскоре убийцы убедились, что их грозный противник ничуть не потерял ни сноровки, ни силы. очередной натиск с его стороны сопровождался серией колющих ударов. На сей раз ему удалось отступить практически не пострадав. Он получил всего лишь одну рану у локтя левой руки, где рясa была разрезана и проступала кровь.

Тем временем, взбешенные таким яростным упорством, убийцы перегруппировались и пустили в ход кинжалы, атакуя его с обеих рук. Эта тактика почти сразу же начала приносить успех. Монах не успевал отразить удары кинжалом. И оттого, у него на руках стала появляться одна рана за другой. Казалось ещё одно мгновение и он упадёт обливаясь кровью, но... всё происходило с точностью наоборот. Получив очередную рану, он с ещё больше яростью набрасывался на своих врагов. Шаг за шагом, оказывая жесточайшее сопротивление, он принуждён был подниматься вверх. Убийцы непрерывно атаковали его, подбадривая друг друга громкими криками. Кровавая схватка продолжалась до той минуты, пока лестница не закончилась. Монах отступил на площадку. Здесь его окровавленного, окружили убийцы. Окружили, но не трогали. Они видели как из многочисленных ран сочится кровь и понимали, что монах скоро падёт. Так и произошло. Он выронил из рук шпагу и рухнул на колени, а затем медленно завалился на колени. Одновременно с этим, колокольню огласил горестный крик.

## Глава 3

Несколькими часами ранее, на одной из грязных улочек Парижа, служивших прибежищем для всякого рода нищих и больных, раздался кислый голос:

-Агриппа! А здесь не так плохо как мне казалось!  
-Проклятье на твою голову, итальянец, говори тише,  
- раздалось в ответ шипенье, видимо принадлежащее  
тому самому, Агриппе, к которому и был обращён  
голос.

По сути, голоса принадлежали двум непонятым  
существам. Почему непонятым? Одевание этих двух  
людей состояло из разного рода цветастых обносков,  
кои вызвали бы брезгливое выражение у самого  
последнего нищего, ибо они не опустились бы до  
такого. Шляпы также заслуживали небольшого  
внимания. Для начала следовало обратить внимание  
на цвет, или вернее на его отсутствие, ибо при  
всём желании невозможно было понять, какой они  
окраски. Ровно, как и оставался загадкой замысел  
портного явившего свету причудливые узоры этих  
достойных изделий. Немногим лучше выглядели перья,  
торчавшие на шляпах. Они были лишь слегка  
общипаны. Под стать общему облику, были и лица  
этих людей. Глядя на них возникала уверенность в  
том, что некоторые люди и по сей день воспринимают  
воду единственно как способ утолить жажду. Из  
всего сказанного, вырисовывалась такая картина:  
Два грязных человека в нищенской одежде, двигались  
по узкой улочке, окружённой с двух сторон  
полуразвалившимися домами. Они ступали с  
осторожностью, боясь наступить на очередного  
нищего, коих здесь находилось огромное количество.  
Часть лежал прямо на земле. Другие полулежали,  
опираясь спиной к стене дома. Третьи, стояли на  
коленях с протянутой рукой. Всех их и приходилось  
обходить. При этом, оба постоянно поднимали голову  
кверху, откуда и без предупреждения могли  
обрушиться... помои.

- И это Париж? Куда я попал? - бормотал время от  
времени тот, кого называли «итальянец». - Все  
опасности ничто, по сравнению с унижением которое  
мне приходится терпеть в этой одежде и на этих  
улицах.

-А кто говорил «что здесь не так плохо»? - тут же возле уха раздался насмешливый шёпот его спутника.  
-Злая шутка...очень злая. Мне следовало выразиться несколько иначе. К примеру...

-Помолчать немного. На нас уже поглядывают с подозрением. Этих людей трудно обмануть. Они, безошибочно определяют «своих». Необходимо убираться отсюда...и как можно скорей.

-Агриппа, друг мой... выведи меня отсюда, отведи на берег реки, и в обмен ты получишь... мою вечную признательность.

-Берегись! - неожиданно вскричал тот, которого называли «Агриппа». Он схватил своего спутника за плечо и рывком оттянул назад. В ту же минуту, раздался страшный грохот. Обвалилась часть крыши дома, мимо которого они проходили. Куски черепица, упали прямо посередине улице и разлетелись на мелкие осколки, причиняя значительный ущерб всем, кто оказался в непосредственной близости. Вслед за стонами раненных, раздалось отчётливое бормотанье, в котором слышался откровенный ужас:

-Камнепад...какие несчастья ещё меня подстерегают? В этот миг, раздался громкий крик: «Внимайте и слушайте!»

Прокатываясь по улицам, он повторялся раз за разом. Оба нищих, пошли так быстро, как только позволяло положение, и вскоре вышли на небольшую площадь. Далеко впереди возвышался длинный мост, а рядом с ними стали появляться группы людей. Все они шли в одном направлении. Не сговариваясь, оба поспешили вслед за ними.

Очень скоро, оба увидели огромную толпу. Подобно волнам, она бурлила и перекатывалась, от угла улицы до самого берега Сены. Они остановились позади толпы, и хотя видеть главных действующих лиц не могли, голос глашатая всё же услышали:

-Двенадцатый месяц 1585 года! Да будет вам известно жители Парижа! Его святейшество, Папа, издал Буллу. Отныне каждый католик свободен от

присяги данной королю Наварры. Святой церковью – он признан еретиком. Он также лишён права наследовать трон, ибо лишь истинная вера может править нашим королевством. Наш добрый король, с покорностью принял волю, его святейшества Папы. Его величество издал эдикт. Отныне и навсегда, католическая вера – является единственно истинной. Любая иная вера подлежит преследованию, а люди её исповедавшие – смерти.

В то время, как толпа разразилась восторженными криками, один из двух нищих, исторг испуганный шёпот:

-Да убережёт нас мать Божья! Бежим отсюда, Агриппа!

Его спутник наклонился и едва слышно прошептал:

-Да ты испугался. Не будь этой грязи, я бы поклялся, что у тебя лицо стало зелёного цвета. Пусть вести и скверные, но присутствие духа терять не следует, иначе...

-Меня не это напугало, – раздался в ответ дрожащий шёпот.

-А что же? – Агриппа, с удивлением проследил за движением головы своего спутника. Тот указывал на двух монахов, что ехали впереди на мулах. – И что в них такого страшного?

-Перстень на левой руке. Я увидел его, когда он дёрнул стремя. Рукав рясы сполз, и я увидел его.

-Перстень у монаха...странно, но не опасно...

-Ты не понимаешь, Агриппа – слышался шёпот полный смятения. – Перстень не обычный. Золотой круг. На нём три драгоценных, круглых камня...белый, голубой и красный. Это знак. Такой перстень может носить лишь один человек...– голос стал едва слышен, – «Чёрный Папа».

-Верно ты ошибся...

-Клянусь тебе, Агриппа...это он. Бежим отсюда. Бежим скорее...

-Напротив. Последуем за ним, если это действительно он. Надо выяснить, какая причина

привела его в Париж.

-Ни за что на свете. Лучше уж эти мерзкие улицы и эта вонючая одежда. Это верная смерть, Агриппа. Его всегда сопровождают. Несколько человек следят за всем, что происходит в непосредственной близости от него. Нет, даже не проси.

-Тогда, оставайся здесь и слушай всё, о чём будут говорить. Я скоро вернусь.

Сразу после этих слов, один из нищих, отделился и побрёл вслед за теми самыми монахами, которые и стали предметом горячего обсуждения. Вслед ему раздался голос, полный глубокого сочувствия:

-Прощай, друг мой! Прощай навсегда!

Ничего необычного на первый взгляд. Такие как все остальные, - думал Агриппа, незаметно наблюдая за неторопливыми движениями монахов. Время от времени, они понукали мулов, но не слишком усердно. В них не чувствовалась ни беспокойства, ни суеты, ни настороженности. Что, ничуть не мешало Агриппе, следовать за ними на расстояние пятидесяти шагов и голосом, полным отчаяния и мольбы, исторгать протяжный крик:

-Хлеба...во имя всего святого...во имя Господа милосердного...подайте кусок хлеба!

Он кричал так часто, как только мог. При этом, старательно изображая полное бессилие, выражавшееся - в неуверенной походке и сторбленной осанке. Эта роль, не только увлекала его, но и доставляла наслаждение. Он мог преспокойно разгуливать в городе, где едва ли не каждый мечтал...увидеть его мёртвым. Тем временем, монахи, свернули вправо. Видимо, там находилась незаметная улочка, которую Агриппа, смог разглядеть, лишь вплотную приблизившись. Вернее, это была не улочка, а тупик. На это обстоятельство ясно указывала...каменная стена. Каменная стена? - Агриппа, в это мгновение, проклял себя за опрометчивость. Завернув, вслед за монахами, он увидел не только каменную стену в конце улочки.

Между ней и им, находились оба монаха и...не менее трёх десятков людей. Они были вооружены до зубов, и как один сверлили его взглядами. В центре этого скопища мрачных лиц, возвышалась фигура с повелительным взглядом. Он только и сумел заметить, меховую накидку, всеми известный рубец на щеке, и лёгкий поклон в сторону одного из монахов.

Понимая, что отсчёт его смертного часа уже начался, Агриппа, принял совершенно безумное решение. Издав вопль, он с криком:

-Мой добрый король, спасите от голодной смерти, - бросился вперёд.

Этот крик настолько потряс присутствующих, что они даже не подумали помешать нищему, который подбежал к человеку в меховой накидке. Бросившись перед ним на колени, он схватил за край его плаща и стал молить о милостыне. Правда, чуть позже, к нищему сразу же потянулись несколько рук, но их остановил повелительный голос, в котором отчётливо слышалось польщённое самолюбие:

-Оставьте его!

Вслед за этими словами, раздался звон монет.

Серебряные монеты...одна за другой...падали на землю...и отскакивали в стороны. Следом послышался лёгкий смех. Смех вызвала...жадность нищего. Он буквально ползал по земле, собирая монеты. На него перестали обращать внимания, как только послышался тот же повелительный голос:

-Король, труслив. После смерти младшего брата, он пребывает в уверенности, что все беды обрушившиеся на род Валуа, не что иное, как кара Господня в ответ за преследование гугенотов. Десять лет назад, он заключил с ними позорный мир, и передал им в распоряжение восемь крепостей. И хотя нам удалось аннулировать этот договор, позиции гугенотов стали многим сильнее. Его немилость по отношению к королю Наварры, не что иное, как притворство. Он ненавидит католическую лигу, и

вернёт своему распол<sup>о</sup>жение при первом же удобном случае. Мы не должны этого допускать.

-Я здесь именно по этой причине. Мы готовы действовать. Все наши договорённости остаются в силе. Однако...мне нужны письменные свидетельства, заверенные вашей личной подписью и печатью, - раздался голос одного из монахов. Он звучал не менее уверенно, чем первый голос.

-Они у вас будут сегодня вечером!

Едва прозвучали эти слова, как монахи развернули мулов, и тронулись в обратный путь. К тому времени, нищий успел собрать все монеты.

Непрестанно кланяясь, он пятился назад, затем обернулся и побрёл прочь с этого места. До его слуха донёсся прежний голос:

-Нашли её?

-Да, монсеньор. Она прячется в аббатстве Сен-Виктор!

-Вы знаете что делать.

-А если...монахи вмешаются?

-Пусть получают по заслугам, но только...от имени еретиков. Никто...не должен стоять на моём пути. Завернув за угол, Агриппа, издал облегчённый вздох. Он едва сумел спастись. Но не только. Ещё и денег заработать, пусть и не совсем обычным способом. Но самую большую ценность представляли слова, которые ему посчастливилось услышать. Они имели далеко идущие последствия и представляли очень серьёзную угрозу. По всей видимости, его друг итальянец, не ошибся. Агриппа, уверился в этой мысли, увидев как склонилась голова гордого Гиза. И здесь следовало подвести итог, ...день проведён с пользой. Оставалось позаботиться о ночлеге. Агриппа, со всех ног поспешил обратно. Именно в это мгновение начался сильный снегопад. Как ни странно, но он обнаружил своего спутника на том же месте, где и оставил его. Увидев Агриппу, тот донельзя обрадовался, ибо не надеялся более на встречу.

-Надо спешить, - бросил с ходу, Агриппа, - у нас появился ночлег.

-Далеко? - только и спросил его спутник. В данную минуту, мысль о ночлеге, несмотря на обильный снегопад, заботила его менее всего.

-Не очень. Улица Сен-Виктор. За ней находится аббатство. Хотя должен признаться. Нас там не ждут. И возможно, будут не очень рады.

-Мы сделаем всё возможное дабы показать себя с наилучшей стороны.

-Вот достойные слова. Надеюсь, ты не разочаруешься в них.

-О чём это ты толкуешь?

-О чём же ещё? О ночлеге, мой друг. Только о ночлеге. А он, не всегда бывает таким, как мы ожидаем.

## Глава 4

Спустя четыре часа, они уже подходили к воротам аббатства Сен-Виктор. Открытые настежь ворота, словно приветствовали их прибытие. Впечатление, весьма обманчивое, учитывая обстоятельства, коим они стали свидетелями. Несмотря на ночь и сильный снегопад, во дворе аббатства, улавливалась необычная для такого позднего времени, суета. Мелькали десятки огней, доносились отрывки фраз на латыни. Беспокойство ощущалось, но понять причину не представлялось возможным. Погода, да и не только, но и любопытство, принудило обоих, вначале, войти во двор, а затем последовать туда, куда спешили обитатели этого места. Спустя несколько минут, оба уже подходили к колокольне. Сразу же бросалась в глаза...группа монахов с факелами. Они встретили неожиданное появление двух нищих, подозрительными взглядами. Ничуть не обращая внимания на эти взгляды, Агриппа, а вслед

за ним и его спутник, вошли внутрь башни и...сразу же остановились как вкопанные.

Прямо перед ними, валялись два мёртвых тела. Ещё один, лежал на ступенях лестницы, уткнувшись головой в стену. Всё вокруг тел было залито кровью. Кровь была заметна и на ступенях лестницы, которая поднималась наверх. Агриппа, осторожно перешагнул через трупы, а в следующее мгновение, ступил на край лестницы и начал подниматься. Почти сразу же пришлось перешагнуть ещё через одно мёртвое тело. Дальнейший путь оказался свободен лишь до конца третьей по счёту спирали. Здесь, у основания маленькой площадки лежали ещё два мёртвых тела. Агриппе, пришлось отодвинуть их в сторону, для того чтобы освободить себе путь. При этом, как и положено, он перекрестился. Но не только. Его острый взгляд выхватил маленький герб на груди одного из мёртвых. Этот маленький знак, вызывал у него неподдельное удивление. Едва продолжив восхождение по крутой лестнице, он невнятно пробормотал:

-А я глупец, полагал, что увижу здесь друзей нашего любимого герцога де Гиза. И с чего католикам вздумалось нападать на своё же аббатство? Клянусь Наваррой, этот вопрос стоит опасности, которой я подвергаюсь.

Агриппа, продолжил беседу с самим, но уже мысленно. При этом, он целенаправленно двигался наверх. Наткнувшись на очередной труп, он вытащил из под лохмотьев кинжал, и прижался спиной к стене, вдоль которой вилась лестница. Действие совершенно не лишнее, так как сверху стали доноситься отрывки фраз. Ещё несколько минут ушло, прежде чем он достиг верхнего основания башни. Это была большая площадка с многочисленными арками, через которые, буквально хлестал снег. В центре возвышались два огромных колокола. Под одним из них, трое монахов хлопотали над неподвижным телом. Оставаясь незамеченным,

Агриппа, приблизился к монахам, и только тогда увидел, чем именно они занимались. Все трое хлопотали над тяжело раненным человеком. По всей видимости, он получил несколько ран. Этот вывод, Агриппа сделал, увидев кровоточащие повязки, и на бедре, и чуть повыше груди, и возле правого колена. Даже лёжа, раненный производил неизгладимое впечатление своим мощным сложением. По пути сюда, Агриппа, насчитал восемь мёртвых тел. Не оставалось сомнения в том, кто именно их убил. Один из монахов, заметил его, но ничего не сказал и продолжал хлопотать над раненным. Тот, практически не подавал признаков жизни. Агриппа, уже собирался уйти, когда раздался глубокий стон. Агриппа, подошёл ближе. Именно в этот миг, раненный открыл глаза, и схватив одного из монахов за шиворот, подтянул к себе. Следом за этим, раздался хриплый голос наполненный яростью: -Скорей...в Шенонсо...

Аббат Буандре, а это был именно он, глаза вытаращил от удивления. Благо, раненный снова впал в беспамятство. Мощная рука, безвольно повисла. Аббат, осторожно убрал руку со своей груди, и с ещё большей осторожностью, пробормотал:

-Чудеса, да и только. Целый год молчал, а тут... заговорил. Не иначе как Господь смилостивился над несчастным, - он, а за ним следом и два других монаха, набожно перекрестились. В то время, как два других брата, снова занялись раненным, аббат тихо добавил:

-Несчастное дитя, несчастная Изабель...тебе больше некому помочь, некому защитить...

Агриппа, услышал и увидел достаточно, для того чтобы понять, что именно здесь произошло. В голове возникли десятки вопросов. Агриппа, попытался связать всё то, что ему довелось услышать и увидеть. Он хотел создать единую картину происходящих событий, дабы определить какую пользу это могло принести всем им. У него появилось

ощущение, будто он натолкнулся на нечто очень значительное. Возможно... тайну, которую бдительно стерегут враги. Если так, то следовало продолжить поиски этой загадочной девушки. Понять, почему она понадобилась герцогу Гизу. И почему, он послал за ней...людей короля. А ведь, герцог не мог ими распоряжаться. Более того, они с королём враждуют. Но он ясно слышал все его слова. Следовательно, одно из двух. Либо, он получил гораздо большую власть, нежели мы предполагали, либо...попросту устроил маскарад. Последняя мысль заслуживала внимания. Однако от неё пришлось очень скоро отказаться. Произошло, это...когда на площадке, и совершенно неожиданно появились несколько человек. На этот раз это были люди герцога. Один из них назвался именем, Галардон, и сообщил, что явился по приказу герцога де Гиза. Сразу после этого, между ним и аббатом Буандре произошёл короткий разговор. Агриппа, не слышал, о чём именно шла речь. Оба стояли в дальнем углу и время от времени, бросали взгляды в сторону раненого. По завершению разговора, Галардон, покинул башню в весьма раздражённом состоянии. За время своего пребывания, он лишь раз окинул Агриппу, презрительным взглядом. Что в очередной раз порадовало Агриппу. Как хорошо, что он решил выбрать именно этот наряд для путешествия в Париж. Уже второй раз, Агриппа, собирался в обратный путь, и второй раз отказывался от этой затеи. На сей раз появился его друг - итальянец. Агриппа, с глубоким неудовольствием следил за всеми его действиями. Вначале тот остановился, затем бросил очень странный взгляд на него самого. Потом осмотрелся, и уж после этого подошёл к монахам. И здесь произошло самое странное событие. Его спутник, крайне резко, попросил монахов отойти. Те, с крайне неохотой поднялись, оставив свои хлопоты. Поднялись, но не стали уходить. «Итальянец» же, опустился на колени подле раненого

и произнёс:

-Господь Истинный!

-Во крови живущий! - раздался в ответ едва слышный шёпот раненного.

Услышав эти слова, аббат Буандре, мгновенно покрылся мертвенной бледностью, и шаг за шагом стал отступать назад. При этом, он с глубоким ужасом наблюдал за обоими, а Агриппа и оба брата, с немым удивлением наблюдали за ним самым. Тем временем, «итальянец», склонился над раненым. Все отчётливо услышали два слова. «Мария», и «Гета». И больше ничего. Прошло менее минуты, как итальянец вновь стол на ногах. Его взгляд устремился в сторону аббата Буандре. Вслед за взглядом раздался повелительный голос:

-Молчи и заботься о нём. Он уедет как только окрепнет.

Сразу после этой странной сцены, он направился к лестнице и знаком показал Агриппе, чтобы тот следовал за ним. Агриппе, оставалось только поражаться внезапному преображению своего друга. До прибытия сюда, он мог бы поклясться, что его спутник - человек трусливый и неженка. И он не понимал, почему король выбрал ему в спутники такого человека. Сейчас же он наблюдал нечто не совсем понятное для себя. Удивление лишь возросло, когда они покинули башню, и он увидел, как «итальянец», направился к воротам. Агриппа, быстро нагнал его и первым делом поинтересовался о том, что беспокоило его больше всего. Вернее, интересовало больше всего.

-Там наверху...раненный упомянул два имени. «Мария», и «Гета». Ты знаешь кто эти женщины?

-Женщина только одна. Гета, - его спутник ответил даже не оглядываясь в его сторону.

-А, Мария? - не мог скрыть удивления, Агриппа. - О чём шла речь?

-Это моё имя!

-Мария? Ты шутишь? - вырвалось у Агриппы. В ответ

полное молчание. И это молчание явилось весомым аргументом для Агриппы. Он осознал, что его спутник не расположен шутить. – Пусть будет...Мария. Многие мужчины предпочитают...мужчин...так почему же ты не можешь взять женское имя? Это не совсем обычно, но такое имя...

– Не советую тебе насмеяться над моим именем, – раздался жёсткий голос, – лучше уж называй как прежде «итальянец».

– Да я и не собирался, – Агриппа почувствовала, что не совсем искренен в данную минуту. И чтобы избавиться от этого чувства, он решил сменить тему разговора. С этой целью, он задал новый вопрос:

– Куда мы направляемся?

– На постоянный двор, вблизи аллеи вдов! – последовал короткий ответ.

– Мы могли бы остаться в монастыре. Это будет гораздо удобнее и ближе, – заметил ему, Агриппа.

– Я не собираюсь там ночевать! – тот же короткий ответ.

– Тогда, зачем мы туда идём? – справедливо поинтересовался, Агриппа.

– Возможно, нам удастся застать «Чёрного Папу».

– «Чёрный Папа»? Ты же говорил, что боишься его больше всего на свете. А теперь, вдруг решил напасть на него? И откуда ты мог узнать, где именно он остановится?

– Его спутник сказал, когда они отъехали с места встречи. Ты в это время собирал монеты у ног герцога де Гиза.

– А здесь, мой дорогой друг, вполне уместно задать простой вопрос...ты кто такой, чёрт бы тебя побрал?

## Глава 5

– Тамплиеры? Конечно, знакомо. Этот орден был уничтожен более полутора веков назад. Но к чему

этот вопрос? И какое отношение имеют тамплиеры к тебе, и тому, что происходит?

- Белый Единорог? Конечно, знакомо. Это бред не имеющий ничего общего с реальностью. Речь идёт о некоем призрачном Римском легионе состоящем из чернокнижников и колдунов. Якобы этот легион пытается уничтожить всё и воссоздать новую империю. Новый Рим. Но к чему этот вопрос? И какое отношение имеет эта легенда к тебе, и тому, что происходит?

Задавая эти вопросы, Агриппа неотступно следовал за своим спутником. Улица, по которой они шли, выглядела абсолютно пустынной. Нигде ни единого огонька - ни в окнах домов, ни на самой улице. Одиноко стоявшие светильники, мимо которых они проходили, выглядели совершенно безжизненными. Снегопад и мощные порывы ветра с лёгкостью гасили едва мерцающее пламя.

Спутникам в буквальном смысле слова приходилось продвигаться едва ли не на ощупь. Каждое мгновение они рисковали оказаться под колёсами кареты, копытами лошади или попросту сбиться с пути и свалиться в какой-нибудь овраг или яму.

Преображавшийся на глазах итальянец с удивительным упорством двигался вперёд. По мнению Агриппы, в такую непогоду первым делом следовало бы найти убежище и отогреться. Хоть под лохмотьями и находилась одежда, она не могла спасти от пронизывающего холода. В то время когда Агриппу одолевали невесёлые мысли, его спутник стал замедлять движение, а затем и вовсе остановился. Агриппа расслышал рядом с собой бормотанье:

-Это должно быть где-то здесь!

Следом... Агриппа аж рот разинул от удивления. Его спутник... начал уменьшаться на глазах. Он становился ниже и ниже ростом, пока совсем не пропал из виду. Агриппа не сразу сообразил, что он попросту... спустился по лестнице. Но вот и он сам увидел засыпанную снегом ступеньку - лестница,

вилась полукругом вдоль каменной стены. Спустившись по ней, Агриппа услышал отчётливый всплеск воды. Он двинулся было вперёд, но тут же резко остановился. Где-то за белоснежной стеной, прозвучал предостерегающий голос:

– Сейчас ты свалишься в Сену. Бери левее. Увидишь ещё одну лестницу. Спустись по ней. Слева увидишь арку. Входи и жди.

Агриппа молча повиновался. Арка вела в подземелье. Так, во всяком случае, показалось ему вначале. И находилось оно под той самой дорогой, с которой они свернули. Агриппа и не подозревал, что они шли так близко к берегу Сены. Впрочем, предположение по поводу подземелья также оказалось неверным. Скорее это был маленький грот или, может, канал. Вторая мысль появилась после того, как под ногами захлупала вода, принося с собой весьма неприятные ощущения.

Впереди он вдруг увидел пылающий костёр и сразу прибавил шагу, предвкушая тепло. В блужданиях по заснеженному городу Агриппа совершенно заоченел. Насколько сильно? Он осознал лишь тогда когда увидел огонь.

Костёр горел на маленькой песчаной площадке, окружённой каменной россыпью. Вокруг костра сгрудились десятка полтора таких же грязных оборванцев, как и они сами. На Агриппу никто не обратил внимания. Подобные появления давно стали привычным делом. Он подошёл к выступу, за которым и располагалась песчаная площадка. Поток воды сворачивал вправо – Агриппа проследил за её движением: на расстоянии шагов десяти в нижней части стены виднелось тёмное отверстие, к верхнему краю которого примыкали края ржавой решётки. Вода проникала в грот сквозь это отверстие и, сливаясь в единый ручеёк, уходила с наклоном дальше, в сторону реки.

Агриппа легко взобрался на площадку, подошёл к костру и протянул руки к огню. По телу сразу

разлилось блаженное тепло. Взгляд его скользнул по людям чей покой он невольно нарушил. Пляшущие языки пламени выхватывали из темноты хмурые лица с равнодушным взглядом. Казалось, этим людям нет дела ни до чего и ни до кого. Агриппу такое равнодушие вполне устраивало.

Он уже успел согреться, когда появился его спутник. И это не был уже прежний нищий, с которым они бродили сегодня по парижским улочкам. Перед Агриппой предстал высокий черноволосый человек с тонкими, почти женственными чертами лица.

Исключение составлял лишь нос с небольшой горбинкой и коротко стриженные смоляные волосы. Взгляд же являл полную противоположность изысканно-утончённой внешности. В нём читалась уверенность в себе, властность и сила. Под каменным сводом прозвучал голос, который с полнотой отразивший все эти качества.

– Агриппа Д'Обинье, я, Мария Де Ла Форте, обращаюсь к тебе со смиренной просьбой: дай клятву молчания. Ты видел и слышал достаточно. И только потому открыл я тебе своё имя и привёл сюда.

Эти слова произвели на Агриппу самое удручающее впечатление. Вначале его лицо выразило удивление, а затем стало быстро мрачнеть.

– Ни ты и никто другой, за исключением моего господина, короля Наваррского, не получит от меня клятвы. Требуя её, ты становишься моим злейшим врагом. Мы прибыли в Париж единственно по приказу моего короля и лишь для служения ему. Всё, что может быть увидено или услышано, должно быть передано ему. Ему одному.

– Королю Наварры известно о нашем существовании, иначе мы бы не оказались вместе. Я прошу не рассказывать о нас никому другому.

– Я полагал, что ты служишь моему господину. Видимо, я ошибался, – Агриппа, устремил на своего спутника неприязненный взгляд и продолжил придавая голосу нарастающую угрозу: – Сейчас мы

расстанемся. Я уйду. Но прежде... один совет: никогда не попадайся мне на пути, иначе я тебя убью.

Мария Де Ла Форте отвесил лёгкий поклон и снова заговорил, с ещё большей твёрдостью.

- Я был наслышан о твоих деяниях, ещё до того, как мы встретились. Я знаю, что твоё умение и твоя храбрость дважды спасли жизнь королю Наварры. Но сейчас у тебя нет выхода. Либо ты дашь клятву, либо умрёшь.

- Скорее, умрёшь, ты, - гневно вскричал Агриппа.

Он положил руку на пояс, где под обносками скрывалась шпага, одновременно сверля взглядом своего неблагодарного спутника. Неожиданно и совсем рядом раздалось странное шуршанье. И это шуршанье издавал... песок. Агриппа только и успел отскочить назад. Он выхватил шпагу и прижался спиной к холодной стене, с неослабевающим вниманием наблюдая за всем, что происходило в непосредственной близости от него. Нищие у костра неожиданно сбросили с себя тупое равнодушие. Они окружили Агриппу, взяв в плотный полукруг. Блеснули кинжалы. Не более четырёх шагов разделяло этот грозно оцетинившийся клинками строй от Агриппы. Вот оно, мгновение до гибели. При всей своей безудержной храбрости Агриппа понимал, что обречён, и это осознание дышащей в лицо смерти обозлило его ещё больше.

- Предатель, лицемер, - с яростью вскричал Агриппа, устремляя взгляд, полный ненависти, в сторону Марии Де Ла Форте. - Я верил тебе, а ты заманил меня в ловушку.

- Клятву или ты умрёшь, - холодно ответил Мария Де Ла Форте. Он выдвинулся на шаг вперёд и посмотрел прямо в лицо Агриппе.

- Ты её не получишь!

- Я дам тебе возможность изменить решение!

- Прежде я убью и тебя, и несколько твоих сообщников, будь уверен. А посему дайте дорогу или

сражайтесь, - Агриппа схватил сильнее рукоять шпаги и слегка пригнулся, готовясь ринуться в бой. Мария Де Ла Форте снова заговорил. Под каменным сводом раздались слова, которые не могли вызвать у Агриппы ничего, кроме безграничного удивления:

- Господь упаси, сударь. У меня и в мыслях не было оскорбить вас подозрением в трусости. Предлагая вам иную возможность, я имел в виду ваше благородство и ничего более. Вы должны понять, о чём именно идёт речь, прежде чем примете окончательное решение. Я вам всё расскажу - и вы поймёте, почему я прошу дать вас такую клятву. Если, выслушав меня, вы по прежнему будете настаивать на своём, что ж... тогда нам придётся убить вас. Если же вы измените решение, каждый из нас с глубоким уважением примет его. Ваша репутация, храбрость, благородство, не позволяют усомниться в правильности выбора, вне зависимости от того, каким именно он будет. Всё, что я прошу - это выслушать меня. По истечении этого разговора мы с вами станем или братьями, или смертельными врагами. Увы, в данной ситуации ни у вас, ни у нас нет особого выбора. Вы готовы выслушать меня?

- Клянусь Папой, ваши слова звучат более чем странно, - изумлённо ответил Агриппа, - однако, я заинтригован больше, чем мне хотелось бы. Потому я выслушаю вас со всем вниманием. Но предупреждаю сразу: моё мнение останется неизменным. Я бы отказал любому в подобной просьбе, ибо не признаю никого, кроме моего господина.

Молча кивнув, Мария Де Ла Форте жестом пригласил Агриппу сесть поближе к огню. Чувствуя спиной угрюмые взгляды и угрожающе нацеленные на него клинки, Агриппа тем не менее двинулся к костру, чем заслужил если не восхищение, так по меньшей мере уважения людей которые вскоре могли стать его собственными убийцами. Он сел на песок, положив шпагу рядом с собой. Мария Де Ла Форте устроился напротив. Прочие участники недавней сцены вновь

расположились вокруг костра. Каменный свод тускло мерцал в отблесках пламени, а от стен отражалось слабое эхо голоса, полного таинственности и несущего с собой неясную тревогу:

- Не так давно вы спросили меня о «Белом Единороге». Вот вам мой ответ. Тамплиеры, вернее, то, что осталось от них после упразднения их ордена Папой - влились в наши ряды и стали частью нового ордена. Мы создали этот орден, дабы иметь возможность открыто бороться с нашими врагами, но были повержены ими. От полученных ран, мы не можем оправиться до сего времени. Тогда погибли лучшие из лучших. С той поры мы обладаем лишь тенью былого могущества. А наши враги с каждым годом становятся всё сильнее и сильнее. Но мы будем бороться, пока будет жив хотя бы один из наших братьев. И такие люди, как вы, нужны нашему ордену. Но только как соратники. Всех остальных, кто раскрыл или может раскрыть нашу тайну - мы уничтожаем. И заботимся мы вовсе не о собственном спокойствии, а о той единственной цели, которая стоит всех наших жизней.

- Я всё ещё далёк от понимания, - негромко произнёс Агриппа, - хотя...

- Терпение, - остановил его Мария Де Ла Форте, - сейчас вы всё узнаете. И прежде всего вы узнаете, что все эти люди вокруг вас являются воинами легиона известного под названием... - он помедлил, внимательно глядя в лицо Агриппы. - «Белый Единорог».

- «Белый Единорог»? Значит это правда? - бледнея, переспросил потрясённый Агриппа. - Чернокнижники? Колдуны? Проливающие на свой проклятый алтарь человеческую кровь? Вот почему тот монах так испугался. Он понял, кто вы. Я слышал о вас, но не думал...

- Это всё ложь, - не повышая голоса, ответил Мария Де Ла Форте, - мы не таковы, какими нас рисует

молва. Наши поступки не имеют ничего общего с преступлениями, в которых нас обвиняют. Мы лишь являемся противниками церкви, ибо отвергаем всё, что подразумевается под словами «святой крест». Он не успел договорить, как Агриппа вскочил на ноги со шпагой в руках. Его тут же окружили, пресекая путь к бегству, и тем самым вынудили отступить назад.

– Отвергаете святой крест? – вскричал Агриппа, вновь прижимаясь спиной к стене и прожигая взглядом своих врагов. – Да вы и есть слуги антихриста. И все вы будете прокляты. Убивать вас – святое дело для каждого, кто верит в Господа нашего.

– Вот как? – перед Агриппой возникло лицо Марии Де Ла Форте с горящими глазами. – «Святой крест»? Где же ты видишь святость? Это ли не орудие изощрённой пытки? Ты видишь различия между святым крестом, дыбой или виселицей? Именно на нём пролилась кровь Иисуса Христа. Именно на нём обрекались на муки тысячи и тысячи людей. Изо дня в день, из года в год, сотни, тысячи лет, людей мучают и убивают на кресте. И по сей день ты можешь видеть, как их заживо сжигают на «святых крестах». Именем этого креста измываются, пытаются, мучают, убивают, нарушая тем самым главную из всех заповедей завещанную нам Господом. Скажи Агриппа, когда ты стоишь перед этим крестом, кому ты молишься? Мученикам или палачам? Первые приняли на нём смерть, но другие его создали. И разве не творит зло тот, кто глядя на крест с мучеником, возносит молитву Создателю? Мы веруем в Господа, Святого Духа и Иисуса Христа, но только в сердце своём. Нам не нужен этот кровавый крест для того чтобы укреплять свою веру. Он нужен тем, кто использует его для того, чтобы властвовать, наживаться и убивать.

Агриппа, сам того не замечая, опустил шпагу. Он был настолько сражён услышанным, что пришёл в

полную растерянность. Он чувствовал себя так, словно его расчленили пополам. Одна часть всё отвергала, другая же... стремилась признать истину этих слов.

- Мы ведём борьбу не только против церкви. Наш главный враг - это «Орден Гекаты». Этот зловещий орден, эти люди становятся всё могущественнее. Их ряды пополняются всеми, кто стремится к наживе и власти. Кто творит ужасные деяния, прикрывая их состраданием и святостью. Они ввергают нас в кровавые распри, заставляя страдать и мучиться изо дня в день, - с тихой яростью продолжал Мария Де Ла Форте. - Именно они решают, какой должна быть наша вера в Господа. Именно им дали право открыто убивать от имени Господа и во имя святого креста. «Орден Иезуитов» - лишь жалкая часть смертельной паутины. Прежде этот орден был известен под названием «Дети Гекаты» и поклонялся языческим Богам. Тайное общество, чьи деяния настолько ужасны, что одно упоминание о них способно лишить воли даже самого мужественного человека.

Чернокнижники, колдуны, отравители, палачи и изуверы, приносящие в жертву людей, подобно безмолвным агнцам. Это и есть подлинное зло. Это и есть - «Антихрист». Мы боремся против них, и только против них. Наши ряды тают, тогда как они становятся всё могущественнее. Они побеждают с помощью золота и страха. И это истина. Каждый из нас, мог бы многое рассказать, но кто нас услышит? - Мария Де Ла Форте, сделал глубокий вздох и, словно успокоившись, более спокойно продолжил: - Остаётся объяснить сцену на колокольне. Как ты уже понял, раненый - один из наших братьев. Он охранял девушку. Её имя Изабель. Многим она известна как дочь герцога Д,Эгийон. Теперь она является герцогиней Д,Эгийон. Она стала ею после того, как была введена во владение наследством. Чуть более года назад, на замок в котором она жила, было совершено нападение. Вся семья, включая и герцога,

была уничтожена. По счастливой случайности её не оказалось в замке в ночь нападения. Сразу после нападения мы нашли её и спрятали так, чтобы её не могли найти убийцы. Сегодня же она была похищена. – И вы хотите найти её? – Агриппа уже полностью овладел собой и слушал очень внимательно. К нему приходило понимание того, кто эти люди и какие цели они преследуют. А вместе с ним наступало и облегчение. Больше всего его радовала мысль, что он ошибся, предполагая в бывшем спутнике негодяя и предателя. – Почему она так важна для вас?

– Я не могу ответить на этот вопрос. Никто из нас не сможет. Мы попросту не знаем ответ. Но нам известно, что Иезуиты придают ей очень большое значение. Одного этого было достаточно, чтобы защищать Изабель. Но впоследствии нам стало известно о переговорах, которые они вели с герцогом де Гизом. Они готовы поддержать его стремление получить трон Франции в обмен на её жизнь.

– Одно это кого хочешь заставит задуматься, – пробормотал Агриппа и тут же, вскинув взгляд, громко добавил: – Сударь, я многое услышал от вас. С чем-то я согласен, с другим же нет. Однако не могу не признать благородство ваших побуждений и поступков. Достаточно ли будет, если я поклянусь, что никогда и ни при каких обстоятельствах не скажу ничего, что могло бы навредить вам или вашим друзьям?

– Достаточно, сударь! – Мария Де Ла Форте поклонился, отвечая на эти слова.

– Что ж, у вас есть моя клятва. Я даю её с лёгким сердцем, – Агриппа в свою очередь поклонился. Выпрямившись, он решительно добавил: – И не только клятва, сударь. Выслушав всё, я понимаю, что не могу оставаться в стороне. Посему выскажу некоторые свои соображения. Принимая во внимание слова вашего раненого друга по поводу «Шенонсо» и

облачение нападавших, могу почти с уверенностью сказать, что похищение Изабель – дело рук Екатерины Медичи.

– Мы пришли к одинаковому выводу, сударь! – Мария Де Ла Форте снова поклонился

– И вы знаете, зачем она понадобилась королеве – матери?

– Ума не приложу. Даже предположений нет.

– Иезуиты, герцог Де Гиз, королева-мать... Слишком много внимания даже для герцогини. Полагаю, нам следует отправиться в Шенонсо и постараться узнать ответ хотя бы на один из этих вопросов.

– Да, вы правы. Впрочем, сначала нам необходимо навестить кое-кого, но прежде, пожалуй, нам стоит одеться потеплей и вооружиться как следует. – Мария Де Ла Форте открыто улыбнулся и протянул свою руку. Агриппа не без удовольствия пожал её. При этом он покосился на оборванцев, которые успели спрятать свои кинжалы, но так и не проронили ни слова, и поинтересовался:

– Они, что... все немые?

– Всего лишь мера предосторожности. Немому не задают вопросов, и ему не приходится на них отвечать. Когда настанет час, каждый из них скажет своё слово.

## Глава 6

– Аллея вдов! Мы почти на месте!

Два десятки вооружённых людей, предводимые Агриппой и Марией Де Ла Форте, приближались к одиноко стоявшему зданию, окруженному со всех сторон каменной стеной высотой в полтора человеческих роста. Все люди в отряде успели

полностью преобразиться. Все были облачены в белые плащи и широкополые шляпы того же цвета, что делало их практически невидимыми на фоне заснеженного пейзажа.

Ворота постоянного двора были наглухо затворены. Это задержало отряд совсем ненадолго. Несколько человек устремились к стенам. Совместными усилиями они помогли подняться на стену самому ловкому. Оказавшись на гребне стены, он мгновенно исчез по ту сторону ограды. Оставалось только ждать, когда он сумеет отворить ворота.

- Что это был за камень - у тебя на груди? - оглядывая улицу, тихо спросил Агриппа.

- Мы все носим такие камни, - так же тихо ответил Мария, - и он всегда состоит из трёх сторон. Они, олицетворяют ...

- Отца, Сына и Святого духа?

- «Справедливость», «Смирение» и «Смерть». Эти три слова и определяют девиз нашего легиона.

- И что, у вас тоже есть свой генерал, или как вы там его называете?

- Да, есть. Мы его называем по имени. Другие же называют его так же, как и весь наш орден.

- «Белый Единорог»?

- Мне не нравится, как ты произносишь это слово.

- А как ещё можно произносить его произносить?

Проклятье!.. Будь я католиком, так каждый раз крестился бы об упоминании вашего ордена или легиона. Так что это за старик?

- С чего ты взял, будто это старик?

- А кто ещё? Если он возглавляет орден...то бишь легион.

- Возможно, ты скоро его сам увидишь. Я послал за ним. Его помощь может нам очень понадобиться.

Никто не знает, чего именно можно ждать от наших врагов. Они слишком коварны.

- Вот как...

- Тсс!.. - Мария указал рукой на створы, которые в это мгновение начали открываться. Сделав знак

своим людям, он быстро двинулся к воротам. Два десятка человек бесшумно влились в распахнутый проём. Чуть помедлив, Агриппа вслед за остальными вошёл внутрь. Та же тишина и безмятежность, что и на улице. Старый дом в два этажа с большим количеством окон. Стог сена, присыпанный снегом, две повозки без лошадей. Слева тянулся длинный сарай – по всей видимости, конюшня.

– Общайте всё. Он должен быть здесь, – послышался негромкий приказ Марии Де Ла Форте.

Раздался резкий шипящий свист. Он раздался внезапно. Мгновением позже, тишину и благодушие заснеженного утра вдребезги разбил рой стрел, которые неожиданно появились в морозном воздухе.

– Берегись! – во всю мощь лёгких закричал Агриппа и бросился в сторону пустой телеги. Ловко поднырнув под неё, он налёг всем телом, чтобы её перевернуть. Она подалась на удивление легко – краем глаза он увидел рядом с собой ещё двоих в белых плащах – втроём они легко опрокинули повозку и укрылись за нею, словно за щитом. То и дело с обратной стороны телеги раздавался глухой удар. Стрелы, одна за другой, нескончаемым смертоносным потоком летели в их сторону.

Наконец повозка перестала сотрясаться от вонзающихся в неё стрел, и на постоянный двор вернулась тишина. Агриппа отважился выглянуть. Увиденное потрясло его: большая часть отряда со стрелами в теле распласталась на окрашенном кровью снегу. Но где нападавшие?.. Скрываясь за утыканной стрелами повозкой, он переместился вправо и снова выглянул. Некоторые окна в доме оказались распахнуты, но пусты. Шагах в десяти от себя он увидел вторую перевернутую повозку, за которой прятались ещё четверо их соратников. У одного в груди торчала стрела, белый плащ был залит выплёскивающейся из груди кровью. Раненный хрипел и содрогался от предсмертных конвульсий. Рядом с ним, прижавшись спиной к колесу, сидел Мария Де Ла

Форте. Вся одежда была залита кровью. Правой рукой он сжимал древко стрелы которая торчала в его шее. Заметив Агриппу, он знаком велел ему оставаться на месте. Но Агриппа не мог наблюдать безучастно, как друг, каковым привык он считать итальянца, истекает кровью. Агриппа переложил шпагу в правую руку, вынул из ножен кинжал и успел шепнуть двум воинам, скрывающимся вместе с ним за опрокинутой повозкой, чтобы следовали за ним, но ничего предпринять они не успели.

Двор вдруг заполнился множеством негромких звуков: хрустом снега, шелестом плащей, позвякиванием оружия... Это могло означать лишь одно – враги явили себя воочию, не желая более скрываться и наносить удары из-за угла. Двор быстро заполнялся людьми в чёрных сутанах, вооружённых шпагами и кинжалами. Их, пожалуй, было несколько десятков. Повозки, за которыми прятались от стрел Агриппа, Де Ла Форте и их оставшиеся в живых товарищи, из щитов могли теперь превратиться в то самое место где их просто добьют.

Нет, умирать без боя они не собирались. С криками ярости, оставшиеся в живых, бросились на врагов, в несколько раз превышающих их числом. Агриппе пришлось отбиваться сразу от трёх противников – их бешеный натиск сразу вынудил его отступить и отбиваться. Рядом два соратника Агриппы сражались с непостижимой стойкостью. Раз за разом опрокидывали они нападавших, пытаясь пробиться вперёд, но так и не смогли этого сделать. Ещё двое их товарищей, защищавших своего раненого предводителя, упали замертво. Прорвавшиеся через их заслон воины в чёрных плащах добились Марию Де Ла Форте кинжалами.

– Будьте вы прокляты, подлые убийцы! – вскричал Агриппа, с болью в сердце наблюдая эту расправу. Он был в ярости, но ясно осознавал, что с минуты на минуту на них обрушится вдвое больше противников. И тогда ничто не спасёт их от смерти.

Отскочив назад, он изловчился и нанёс нацеленный удар в грудь. Один из его противников рухнул на снег. Чуть поодаль упали ещё двое в чёрных плащах. Трое. Ещё пятеро валялись возле второй телеги. А в живых оставалось боле двух десятков. И теперь все они готовы были обрушиться на троих оставшихся в живых. Агриппа почувствовал укол в левой руке, немного ниже локтя. Кинжал выпал у него из рук. Он отскочил назад и уже было распрощался с жизнью, но неожиданно убийцы отхлынули назад, а затем поспешно бросились к воротам.

Агриппа с недоумением наблюдал за действиями своих врагов. Судя по торопливым действиям, они были напуганы. Напуганы, непонятной угрозой. Он уверился в этой мысли, когда увидел, что они поспешно затворяют ворота. Там явно что-то происходило.

Спины врагов наглухо закрывали видимость, поэтому Агриппа быстро забрался на повозку и устремил напряжённый взгляд за ворота. Вначале он ничего не мог понять. Он только и видел...серый треугольник, остриём направленный в сторону ворот. Пока он пытался понять, что это такое, раздался глухой удар. А вслед за ним...он не верил своим глазам, толпу убийц словно разорвало. Несколько человек подлетели в воздух издавая душераздирающие крики. Ещё часть раскидало вокруг ворот. Остальные хлынули назад и попытались перестроиться, чтобы дать отпор. Агриппа и не замечал, что давно стал лёгкой мишенью для убийц. Всё его внимание было направлено на...щиты, поверх которых торчали окровавленные наконечники.

Дальнейшее стало напоминать театрализованное представление.

Вначале прозвучал отчётливый голос:

-Каре!

Треугольник стал рассыпаться. Щиты двинулись вдоль внутренних стен двора и вскоре приняли форму замкнутого прямоугольника. И сам Агриппа, и люди в

чёрных сутанах так быстро оказались внутри этого построения, что даже не успели толком осознать происходящее.

-Сомкнуть! - раздалась новая команда.

Все четыре стороны с ошестившимися рядами копий стали быстро сближаться друг с другом. Они сближались до той поры, пока люди в сутанах не оказались придавленными щитами. Они предприняли попытку выбраться из железного ящика, но каждое такое действие сопровождалось предсмертными криками. А затем началось настоящее побоище.

Агриппа только и видел, как кучка людей зажата в центре щитами, взмахивает руками и пытается спрятаться от смертоносных наконечников.

Агриппе казалось, что сражение длится уже целую вечность, тогда как на самом деле оно длилось считанные минуты. Он начал осознавать действительность, когда лязг металла перестал звучать и душераздирающие крики уступили место стонам раненых. В ворота проехали сразу несколько подвод. Строй рассыпался по всему двору и начал подбирать всех тех, на ком был белый плащ.

Раненные и убитые погружались на подводы. Всё делалось молча и быстро.

Агриппа и опомниться не успел, как двор совершенно опустел. Остались лишь мёртвые тела в сутанах и снег, который стал совершенно красного цвета. Не будь этих свидетельств и раны на руке, Агриппа вполне мог решить, что всё произошедшее явилось плодом его воображения. Он только и делал, что постоянно протирал глаза. Но это действие не помогало. Картина вокруг него не менялась.

Он слез с повозки и ещё раз окинув совершенно растерянным взглядом, ещё более растерянным голосом пробормотал:

- Его величество не раз указывал на некоторые странности в моих поступках, но я не придавал им должного значения. Видно оттого святой Бернар решил посмеяться надо мной. Как ещё можно

объяснить появление в Париже...римского легиона?

## Глава 7

Спустя несколько дней, холодным зимним утром, на правом берегу реки Шер появилась карета, запряжённая парой серых лошадей. Она двигалась по накатанной дорожке, мимо многовековых деревьев, направляясь в сторону величавого замка с длинной галереей. Замок, в буквальном смысле этого слова, был сооружён прямо на воде и соединял правый берег реки Шер с левым.

Для прохода воды строители этого удивительного сооружения, оставили несколько крупных арок, которых подпирали мощные колонны. Арки словно выплывали на поверхность, чтобы принять на себя тяжесть всего замка, ибо именно на них покоились галереи, окна, кариатиды, башенки и ещё множество всяческих архитектурных идей воплощённых в белом камне. Именно сюда и лежал путь необычного гостя. Окна кареты были плотно занавешены чёрным бархатом, надёжно скрывая от посторонних взглядов тех, кто находился внутри. На левой дверце было изображено сломанное копьё, а под ним надпись «От этого все мои слёзы и боль моя». Карета двигалась медленно, словно везла нечто хрупкое, но очень дорогое. Прошло не менее получаса, прежде чем она свернула вправо и, сделав полукруг, въехала на большую площадку, нависавшую над рекой в непосредственной близости от моста, упиравшегося в ворота замка.

Карета остановилась, кучер слез с козел и открыл дверцу. Внутри послышалась возня, а мгновением позже показалась старческая рука. Кучер поддержал руку, помогая её обладателю выбраться. Очень медленно и осторожно кучер извлёк наконец из недр кареты человека, укутанного в меха. На вид ему казалось не менее ста лет. Глубокие морщины бороздили лицо, седая борода пряталась в укутавшие

всё его щуплое тело меха, а остекленевший взгляд выражал только усталость. Он едва мог передвигаться, но говорил довольно внятным голосом. Поблагодарив кучера за помощь, он собирался было направиться к воротам, но в это мгновение они открылись и показались два стражника в серебристых доспехах и мушкетами в руках. Встав по обе стороны ворот, стражи застыли.

Из ворот замка вышли три женщины. Две из них, присев в реверансе, остались у ворот, провожая взглядами третью – полную, маленького роста женщину в чёрном платье с высоким стоячим воротником, поверх которого был накинут меховой плащ, скреплённый на груди серебряной пряжкой, сотканной искусным ювелиром из множества тонких колец, и ниспадавший до самой земли. Сделав знак старику оставаться на месте, женщина миновала мощёный камнем мост.

Екатерина Медичи, вдовствующая королева-мать, сама вышла встречать прибывшего старца. Приветливая улыбка, обращённая к гостю, не могла скрыть усталости на её лице.

– Лука Горико, я желала видеть тебя и страшилась встречи. Мы трижды встречались, и всякий раз твои предсказания были столь ужасны, что мне хотелось отдать тебя в руки палача. Я потеряла всё. Остался лишь единственный сын и единственная надежда. Ты должен укрепить эту надежду. Идём со мной!

– Моя королева, – склонившись в поклоне, ответствовал старец, и голос его прозвучал более уверенно, нежели голос королевы. Это был тот самый астролог, который с точностью предсказал смерть короля Франции Генриха II. Именно его проклял Монтгомери, увидев, что нанёс своему королю смертельную рану. Ибо Горико был тем, кто предсказал это событие.

Королева, взяв астролога под руку, повела в сторону донжона, возвышавшегося справа от замка, который был построен в духе Ренессанса в виде двух

башен – узкой и широкой. Сливаясь по воле архитектора, они очень напоминали своим строением маяк. Единственная дверь в башне отворилась, едва они подошли к ней. Их встретил слуга в тёмной ливрее. С его поддержкой немощный астролог поднялся по лестнице на следующий уровень. Здесь гостя ждала натопленная комната и обильная еда. Слуга помог ему избавиться от мехов и подвёл к стулу с высокой спинкой. Тяжело опустившись на сиденье, обитое узорчатой тканью, старец принял из рук слуги кубок с вином.

Молча наблюдавшая за происходящим королева, жестом отпустила слугу. Поклонившись, тот вышел. Королева заняла место на другом конце стола, но ни к вину, ни к пище не притронулась, продолжая пристально смотреть на астролога. Пригубив вина, старец негромко заговорил. Старческий голос время от времени прерывал кашель. И тогда в уголках губ выступали капли крови.

– Ваше величество, чем я могу помочь? – произнося эти слова, Горико достал лоскут красной материи похожий на платок и вытер кровь с губ.

– Ты знаешь, когда настанет твой час? – неожиданно спросила астролога королева.

– Я проживу не более трёх месяцев, моя королева! – не задумываясь, ответил астролог.

– А сколько...

Горико поднял морщинистую руку и умоляюще произнёс:

– Нет, моя королева. Я не отвечу на этот вопрос, хотя точно знаю в какой год, и в какой день это произойдёт.

– Хорошо, Горико. Ты предсказал смерть моего супруга, ты предсказал смерть моих детей. И всякий раз твои зловещие предсказания исполнялись, но сейчас, – королева устремила на астролога взгляд, в котором чувствовались осколки той ненависти, которую она питала к нему на протяжении последних 30 лет, – сейчас я хочу ещё раз проверить твои

необъяснимые способности.

Она поднялась и поманила его рукой за собой.

– Я готов. – Старик с трудом поднялся и поклонился.

– Сюда! – королева подошла к резной дубовой двери и, бесшумно отворив её, вошла, оглянувшись и удостоверившись, что астролог следует за ней.

Шаркая ногами, старец вошёл следом. Королева указала на ложе под балдахином. – Взгляни. – Она отёрнула шёлковую ткань, украшенную золотыми листьями. – Что ты можешь сказать мне о ней?

Взгляду астролога предстала обнажённая девушка. Длинные каштановые волосы её шелковистыми прядями стекали с высокой подушки, на которой покоилась её голова. Глаза её были открыты, но признаков жизни почти не наблюдалось – лишь грудь её едва заметно поднималась и опускалась в такт лёгкому дыханию.

– Семена мака. Она одурманена ими...

– Это не столь важно, – перебила его королева, – что ты можешь сказать об этой девушке?

– В ней всё совершенно, – медленно выговорил астролог, скользнув взглядом по обнажённому телу, – благородство крови не вызывает у меня сомнений. Эти груди, словно спелый плод, стройный стан, ноги – в них нет ни малейшего изъяна, они словно изваяны умелой рукой скульптора... Взгляните, насколько изящна линия бёдер. Как красив этот изгиб возле колен, шея совершенно безупречна, что же до лица... мне никогда не приходилось видеть столь гармоничных черт. Она совершенна во всём, но...

– Но?... – подхватила королева, внимательно наблюдавшая за астрологом.

Старец склонился и вгляделся в широко распахнутые глаза девушки.

– Хм... – пробормотал он. – Если только это не следствие одурманивания... её глаза... они очень странного цвета... в точности напоминают блеск

золота... - астролог внезапно замер. Затем медленно выпрямился и, устремив на королеву потрясённый взгляд, прошептал:

- Чаша... Императора?

Глаза Екатерины Медичи ярко вспыхнули.

- Ты понимаешь, Горико? Лучшие королевские династии по сравнению с ней не более чем жалкое подобие величия. И она, именно она спасёт династию Валуа. Она возляжет с королём Франции. Она родит мне внука. И он по праву будет править Францией. Я хочу этого. И так будет.

Астролог молча отвернулся и, сторбившись, направился к двери.

- Остановись, Горико! - гневно вскричала королева.

- Ты поможешь мне, или я велю казнить тебя. Ты более не выйдешь из этого замка.

- Это не спасёт ни вас, ни вашего последнего сына.

Астролог вышел в другую комнату и, опираясь на край стола, медленно опустился на стул. Он снова вытер кровь со своих губ. Прядь бороды успела окраситься в красный цвет.

- Как ты посмел? - в дверях появилась королева.

Весь её облик пылал гневом. - Ты снова предсказываешь смерть? Ты смеешь угрожать?

Насмешливая улыбка астролога вызвала новый приступ кашля. По телу прошли судороги. Тяжело дыша, астролог собирался с силами. Королева опустилась в кресло, усилием воли погасив вспышку гнева.

- Моя королева хотела получить совет? - с большим трудом выговорил наконец он, вытирая кровь. - И вот вам мой совет. Отвезите её туда, откуда взяли. На ней лежит печать смерти. Она сама умрёт насильственной смертью и унесёт с собой жизни тех, кто будет рядом с ней. Вашим мечтам не суждено сбыться. Вы лишь обретёте могущественных врагов.

- Я начинаю понимать тебя, - королева задумчиво постукивала кончиками пальцев по резному подлокотнику, - ты имеешь в виду Иезуитов? Они тоже хотят получить её. Но не станут враждовать со

мной. Не посмеют.

- Ваше величество, прошу вас, выслушайте меня. «Первый Никейский собор» - вам что-нибудь говорят эти слова?

- Продолжай.

- Я астролог, и уж потом верующий, моя королева. Потому и хочу сообщить вам нечто очень важное. Молю заpastись терпением и не перебивать меня. Ибо, как только я закончу, ваше величеством поймёт, почему я сейчас решил заговорить об этом... - он взялся за грудь, несколько раз глубоко вздохнул, затем положил обе руки на край стола и продолжил: - Более 12 веков назад произошли сразу три важных события. Два из них были столь незначительны, что никто не придавал им значения. Третье же имело столь огромную важность, что мелкие подробности просто остались незамеченными большинством участников, - астролог остановился, переводя дыхание, подавил приступ кашля и заговорил вновь. - Итак, в 325 году Константин Великий созвал так называемый Вселенский собор для того, чтобы утвердить единство церкви. 318 епископов из разных стран определяли, какой именно должна быть вера в Господа нашего. В то время, и вашему величеству это известно не хуже, чем мне, существовали серьёзные разногласия между святителем Николаем и Арием. Доводы Ария оказались столь убедительными, что святитель Николай, не сдержавшись, ударил его перед всем собором. К Константину подошёл командующий его армией и сказал:

«Мой император, эти люди с умилением говорят о любви, призывают прощать своих врагов, но сами бьют, когда с ними не соглашаешься». Император надолго запомнил эти слова, - астролог на мгновение остановился. - Эта история получила своё продолжение, когда император тяжело заболел. К нему в опочивальню явился командующий 12-м легионом. Этот легион занимал особое положение. На

протяжении столетий в нём служили лучшие из лучших. Император по просьбе святых отцов хотел направить легион в Галлию. Там, по слухам, пустила корни языческая секта. Они приносили человеческие жертвы Гекате – богине мрака, ночных видений и чародейства.

Королева несколько раз осенила себя крестным знаменем.

– Когда легионер вошёл в опочивальню императора, там находились несколько священников. Они установили в его изголовье святой крест. Завидев этот крест, легионер пришёл в ярость. Он сломал крест о колени, при этом гневно восклицая:

– Как посмели вы принести это мерзкое орудие пыток в опочивальню к величайшему из императоров?!

– Господи Иисусе, – шептала, крестясь, королева, – безбожник, богохульник...

– Символом 12-го легиона всегда был «белый Единорог». Но с того дня он получил новое название. – Астролог помолчал. – «Антихрист» – не дьявол, но... «не признающий крест».

– Император его казнил, надеюсь? – королева, всё ещё находясь под впечатлением услышанного, осеняла себя крестным знаменем.

– Удивительно, но с той поры никто больше не слышал о 12-м легионе. Он исчез. Исп... рился... – астролог, схватившись за грудь, зашёлся кашлем. Из угла рта потекла кровь. Справившись с приступом кашля, старец прошептал:

– Эта проклятая болезнь... выводит всю кровь... из моего тела...

Он вытер кровь с губ и некоторое время сохранял молчание. Астролог выглядел совершенно измученным. Ему с трудом давалась столь длинная речь. Но свой рассказ он намерен был завершить во что бы то ни стало.

– Вместе с легионом исчез и любимый сын Константина. Что странно, именно тогда и появилось предание о «Чаше Императора». Ещё более странно

выглядит слух, который распространился после смерти Константина. Молва утверждала, что у императора случались видения. И потому перед самой смертью он отдал приказ своему сыну...

- Это не слух, - резко перебила астролога королева, - я знаю, о чём ты говоришь. Его сын должен был тайно основать императорскую династию. И она должна была стать тем источником, который сохранит кровь великого императора. Доказательство тому находится в соседней комнате. И тебе это известно.

- А вот второй слух... Молва утверждала, будто император возложил на 12-й легион тайную миссию. Якобы это было связано с Николаем Святителем. Он верил в Господа, но сомневался в людях. Оттого и приказал легионерам тайно наблюдать за отцами церкви. Вера в Господа могла быть основана только на любви, на любое иное действие ответ должен был дать 12-й легион.

Им же надлежало охранять «Чашу Императора»

- И сколько истины в этих слухах? - королева устремила напряжённый взгляд в сторону Горико. Тот медленно протянул трясущуюся руку к кубку. Глотнув вина, он глубоко выдохнул и только потом ответил:

- Судить вашему величеству, но несколько лет назад я стал свидетелем очень необычного действия. Мы направлялись в Аквитанию.

- Уж не к Генриху ли Наваррскому? - мрачно поинтересовалась королева.

Астролог едва заметно пожал плечами.

- Я оказывал услуги многим вельможам.

- Продолжай свой рассказ, Горико, - с удивительным самообладанием попросила королева. Она всегда крайне резко отвечала когда вопрос заходил о короле Наварры. Этот случай стал исключением.

Астролог почтительно наклонил голову и продолжал, переводя дыхание после каждой фразы:

- Я связан клятвой, поэтому не буду называть ни мест, ни имён. Но расскажу главное. После встречи

с его величеством королём Наварры, ко мне пришёл незнакомый человек и попросил оказать услугу. Я последовал за ним. Наше путешествие продлилось несколько недель. Последнюю часть пути мы проделали по морю. Я предчувствовал удивительные события, и только по этой причине последовал за незнакомцем не задавая вопросов.

-И что же? - на лице королевы стали появляться первые признаки любопытства.

-Наше путешествие завершилось в очень необычном месте. Меня провели в какой- то полутёмный зал и там оставили одного. Зачем? Понимание происходящего пришло, едва раздалась шаги. Ещё до того как показалось лицо этого юноши, я знал кто он. Узнает его и моя королева.

- Я не понимаю тебя, Горико!

- Он придёт сюда. Это страж охраняющий «Чашу Императора». Меня привели только по одной причине, - старец в который раз зашёлся кашлем. Но на сей раз он почти не причинил ему беспокойства и потому он смог продолжить почти ровным голосом. - Мне надлежало высказать своё мнение об этом юноше. Я провёл рядом с ним несколько дней и открыл много нового для себя. Даже этот разговор...мне его показал тот самый юноша.

-Он астролог? Предсказатель?

-Я же говорил, моя королева. Он страж. Главный из стражей.

-Ты говоришь загадками, Горико.

-Моя королева вскоре всё поймёт!

-Ты ничего не хочешь мне объяснить?

-Нет. Я могу лишь предостеречь.

Берегитесь...кинжала

-Кинжала? - королева привстала с места и устремила на астролога напряжённый взгляд. - Кого хотя убить, Горико? Моего сына? Меня? Кого Горико? Отвечай! - теряя самообладание, закричала она. Астролог лишь отрицательно качал головой. С его уст сорвался едва слышный шёпот:

- Поздно... слишком поздно... не спасётся никто... ни Валуа... ни Бурбон...

## Глава 8

Разговор с астрологом принудил Екатерину Медичи принять самые строгие меры, призванные, в первую очередь оградить пленницу от ненужного внимания. Она была переведена в замок, в покои, смежные с опочивальней самой королевы. У дверей была поставлена надёжная охрана. Никто не мог входить к пленнице без дозволения королевы. Исключение составляли лишь несколько особо доверенных слуг, которым надлежало заботиться о пленнице.

Лишь уверившись в том, что её распоряжения выполняются надлежащим образом, королева-мать решила на поездку, о которой давно неотступно думала. Разговор с астрологом лишь подстегнул её к осуществлению этого плана. Уже на следующее утро из замка выехали две кареты. В первой находилась лишь королева и астролог Горико. Во второй - две придворные дамы и личная горничная Екатерины. В поездку взяли лишь самые необходимые вещи.

Королева желала, чтобы цель, как и сама поездка, оставались в тайне. Путь лежал в Шартр, где король Франции принимал покаяние, как самый обыкновенный смертный.

Мерное постукивание колёс и лёгкое покачивание незаметно погрузили измученного болезнью астролога в дремоту. Укутанный в меха, он клевал носом.

- Не смей спать, Горико! Я не для того лишила себя общества своих придворных дам, чтобы позволить тебе бездарно проспать всю дорогу. Я всю ночь не могла уснуть. После нашей беседы возникло ещё больше вопросов. Я знаю, тебе тяжело разговаривать. Посему я буду задавать вопросы, а ты отвечай коротко или кивай.

Астролог разомкнул веки и слегка кивнул.

- Хорошо, - королева вздохнула, собираясь с мыслями. - Ты упоминал о двенадцатом легионе. Если они действительно существуют и действительно защищают «Чашу Императора», значит я ошиблась, когда предположила в качестве защитников Иезуитов? Горико снова кивнул.

- Так, значит, я должна считать Орден иезуитов врагами? - королева устремила вопросительный взгляд в сторону астролога. - если они не защищают её, тогда зачем она им?

В ответ последовал неопределённый взгляд. Королева приподняла брови.

- Ты полагаешь, у них есть свои интересы? Какие у них могут быть интересы? Зачем им «Чаша императора»? Хотя вопрос определённо лишний. Имея такой козырь на руках, они легко смогут сменить любую королевскую династию, - королева осеклась и устремила испытывающий взгляд на астролога, - Франция? Они хотят убить моего сына и передать престол другому человеку? Кому? Герцогу Гизу?

- Сотни и сотни... - раздался слабый голос Горико, - воинов... живущих и умирающих... во имя чести...

- Во имя чести? - задумчиво повторила королева. - Пожалуй, именно она позволит использовать легион нам во благо. Я найду их и попытаюсь договориться. Гизы совершенно вышли из-под контроля. Генрих Лотарингский со своей Католической лигой, похоже, как и Беарнец, метит на престол. Пора бы его осадить. И эти загадочные стражи вполне могут нам в этом помочь. А герцогиню мы используем, как приманку для Иезуитов. Если наши предположения верны, они непременно придут за ней рано или поздно. И вот тогда мы выставим свои условия, - мысль явно нравилась королеве-матери всё больше и больше. - После того, как она родит мне внука, она не будет больше мне нужна. «Чаша Императора» в обмен на жизнь Гизов - достойный обмен. Как считаешь, Горико?

Астролог, мерно покачиваясь в такт ходу кареты,

сидел, откинувшись на подушки, закрыв глаза и беззвучно шевеля губами.

– Горико? – настойчивее окликнула королева.

Астролог с трудом приоткрыл глаза и прерывающимся голосом произнёс:

– Звёзды... часто предрекают... события... кровавые и ужасные... но страшнее всего... когда ты понимаешь, что они... начинают сбываться...

Это всё что удалось от него добиться. Понимая бесполезность дальнейшей беседы, королева плотнее укуталась в меха и попыталась заснуть. Дальнейший путь проходил в полном молчании. Астролог дремал, а королева беспокойно ворочалась. Её раздражала тряска. И не только, но и сонное лицо спутника. Ближе к вечеру обе кареты въехали во двор старого монастыря. Аббат-настоятель сопровождал Екатерину к дверям часовни и, учтиво поклонившись, оставил её одну. Королева вошла. Небольшое, мрачное помещение тускло освещалось парой свечей, у двери на полу лежала примятая охапка соломы. Рядом с убогой постелью стояли глиняная миска со скудной пищей и кружка, наполовину полная водой. В дальнем углу, у изваяния распятого Христа, на каменных плитах, раскинув крестом руки, лицом вниз лежал король Франции, одетый лишь в длинную, рваную рубаху из грубого холста. На спине под рваной материей были видны свежие рубцы и пятна крови – следы самобичевания означающие очередной приступ покаяния.

Заслышав шаги, Генрих приподнял голову и спросил дрожащим голосом:

– Кто здесь?

Не услышав ответа, король приподнялся, а затем встал во весь рост и обернулся. В скудном свете свечей он увидел женщину в чёрном платье, стоящую на коленях. Сложив руки ладонями вместе она горячо молилась.

– Матушка? Вы здесь? Вы решили помолиться за мои грехи? – с облегчением и тихой радостью обратился

к ней король.

– Все мы достаточно молились Всевышнему, – осенив себя крестом, королева поднялась и, устремив на сына властный взгляд, добавила: – Пора подумать о том, что Господь доверил вашему величеству.

Король ответил матери хмурым взглядом.

– Я вернусь не раньше, чем получу прощение за свои грехи. Франция может подождать, но не Господь! Он должен видеть моё раскаяние, ибо я долго грешил.

Королева подошла к сыну и, взяв его за руки, произнесла так мягко, как только могла:

– Сын мой, Франция охвачена смутой. Гизы стремятся захватить то, что принадлежит по праву только вам. После того, как вы прославили имя святой католической веры, протестанты открыто выказывают своё неповиновение. И у вас всё ещё нет наследника. И это обстоятельство больше всего угрожает трону.

– Что я могу сделать, матушка? – с несчастным видом прошептал король. – Мы с Луизой молились. Мы просили Господа не единожды, но он так и не услышал нас.

– Господь не может не услышать ваше величество. Он видит ваше раскаяние, ваши страдания, – королева устремила нежный взгляд на сына, легко, с любовью коснувшись его растрёпанных волос, и продолжила: – Вам известно, как сильно я всегда любила вас. Сейчас же эта любовь увеличилась многократно. Я потеряла супруга и всех своих сыновей. Вы единственный, ради кого я ещё продолжаю жить и бороться. Так не оставляйте же одну свою несчастную матушку, Генрих.

Король склонился и, прижавшись губами к руке матери, тихо прошептал:

– Что я должен сделать, матушка?

– Приезжайте в замок Шенонсо, так скоро, как только сможете. Луизу я тоже извещу. Вы должны узнать о том, что я составила завещание. В нём я передаю Шенонсо, место, где я провела самые лучшие

дни моей жизни – Луизе. Она всегда была вам преданной, любящей супругой и потому заслуживает самого лучшего к себе отношения.

– Вы слишком добры к нам. Я буду у вас не позже чем на следующей неделе, матушка.

– Я не ожидала иного ответа, – королева ласково провела ладонью по щекам покрытыми щетиной и, приподнявшись, поцеловала короля в лоб. – Жду вас в замке, сын мой.

Королева тот час же ушла, оставив его в одиночестве. Король с печальной нежностью долго смотрел вслед женщине, которую он всегда любил и почитал, затем отвернулся и, опустившись на колени, прошептал:

– Господь мой, пришло время, когда я должен позаботиться о своём несчастном народе. Умоляю, не оставляй меня, не позволяй греховным мыслям вновь овладеть мною. Спасения, Господи!.. Спасения и отпущения грехов прошу у тебя, как самый смиренный и самый несчастный из людей..

## **Глава 9**

Ну вот наконец и Нерак. Агриппа вздохнул с глубоким облегчением. Дни, полные опасений и тревожных мыслей, остались позади. Он брёл по знакомым улицам, с удовольствием вдыхая воздух свободы. Собственный же вид, явно оставляющий желать куда лучшего, не беспокоил его совершенно. Несмотря на то, что одежда его была основательно испачкана и никак не могла похвастаться отсутствием дыр, а раненую руку поддерживала какая-то грязная тряпица, рукоять шпаги блестела – что ж, не удивительно, ибо весь путь от Парижа до Нерака он коротал своё свободное время за её чисткой и полировкой.

Он выполнил поручение своего короля. Выполнил, заплатив высокую цену, очень высокую.

Мысли Агриппы вернулись к недавним событиям. Нередко за последние дни он задавался вопросом, как ему следует отнестись к тем необычным событиям, которые позволили сохранить ему жизнь? Прежде чем делать выводы он собирался откровенно поговорить с его величеством. Ко всему прочему, ему хотелось навестить семью Марии Де Ла Форте чтобы сообщить им печальную весть. Пусть знакомство и явилось слишком коротким, он не мог просто так забыть о человеке который едва не стал ему другом.

Путь от Парижа до Нерака стал для Агриппы ещё одним нелёгким испытанием. Повсюду он видел пожарища и опустошение. Толпы фанатиков, призывающих резать гугенотов, как свиней. Виселицы, костры, шайки головорезов и мародёров... Самое печальное состояло в том, что вернувшись в Нерак, Агриппа встречал на улицах такие же искажённые ненавистью и яростью лица. С той лишь разницей, что здесь эти люди призывали уничтожать католиков и проклинали кардиналов. Везде ненависть, одна лишь ненависть...

Агриппа взошёл на маленький мост и остановился, облокотившись на каменный парапет. Он бездумно смотрел, как внизу, под ним, плещется вода. Возможно, он бы долго ещё стоял, наслаждаясь течением маленькой речушки, однако неожиданно его внимание привлекла внушительная толпа на правом берегу.

Присмотревшись, он увидел двух молодых людей. Они вели ожесточённую схватку на шпагах. Именно за ними и наблюдала толпа. Одного из них Агриппа узнал - это был юный граф Шеверни, «Бледный граф», как его называли при дворе за неестественно цвет лица. Он состоял в свите короля. А значит, вполне мог знать, где сейчас находится его величество. Агриппа торопливо перешёл мост и направился в сторону дуэлянтов.

Когда он приблизился к месту дуэли, сражение

кипело вовсю. Оба соперника отлично владели шпагой. Атаки чередовались с отступлениями, выпады следовали один за другим – стремительные, нацеленные на один-единственный удар, который и должен был определить победителя. Агриппа остановился в стороне и молча наблюдал за поединком. Вот оба одновременно остановились. Молча сбросили с себя камзолы и, несмотря на холод, продолжили бой в одних рубашках. Наблюдая за ними, Агриппа понимал, что такая яростная схватка быстро измотает и вытянет силы из обоих дуэлянтов. И тогда всё закончится очень быстро. Он оказался прав. Шпага юного графа пронзила грудь противника. Тот упал на колени, выронил шпагу, а затем опрокинулся на спину. Грудь раненого бурно вздымалась, на рубашке расплывалось кровавое пятно. Раздался хриплый голос:

– Я умираю...

Граф Шеверни вложил шпагу в ножны. Затем опустился на одно колено рядом с поверженным противником и взяв его за руку, прошептал:

– Пусть Господь вас простит, я же более не таю обид.

– Я был не... единственный... ваша супруга...недостойна вашей любви, – раздался в ответ прерывающийся голос.

Граф Шеверни нахмурился.

– Если вы говорите об этом в такую минуту, значит так оно и есть! – он поднялся. Оглянувшись, граф подозвал к себе четырёх зевак. Дав им несколько монет, он попросил отнести тяжело раненого маркиза домой. Маркиза унесли, а Агриппа подошёл к графу. Тот не сразу заметил его, погружённый в какие-то невесёлые раздумья.

– Насколько помнится, вы всегда были друзьями, – обратился к нему Агриппа.

Граф Шеверни словно очнулся от забытья.

– А, это вы, сударь, – негромко произнёс он, слегка склонив голову в сторону Агриппы, – не

далее как вчера король справлялся о вас.

- Вам известно, где находится его величество? - коротко спросил Агриппа. Он понимал, что граф не собирается обсуждать причину ссоры.

- На мельнице. Его величество пребывает в прескверном расположении духа. Стало известно о том, что Папа Римский отлучил его от церкви. С того времени король сам не свой.

- Вы не могли бы одолжить мне одного из тез двух коней, - Агриппа указал на пригорок, где мирно паслись две лошади, - они ведь ваши, как я понимаю? Мне необходимо повидать его величество.

- Одна лошадь принадлежит маркизу. Но вы можете взять любую, я возмещу маркизу все убытки.

- Благодарю вас, сударь. Но полагаю, что сумею это сделать сам, - Агриппа поклонился и направился было к лошадям, но граф Шеверни неожиданно его окликнул.

- Сударь, не окажете ли вы мне услугу?

- Какую именно? - Агриппа остановился и устремил на него удивлённый взгляд ибо меньше всего услышал подобные слова.

- Не соблаговолите ли вы отправиться в мой замок... прямо сейчас?

- Благодарю вас, сударь. Но первым делом я должен повидать короля, - отказался Агриппа и уже повернулся, чтобы уйти, но снова услышал голос графа. Тот подошёл к нему и с некоторой отрешённостью, словно мысли его бродили где-то очень далеко, заговорил:

- Я бы не просил сударь, ибо знаю лучше других, с каким нетерпением вас ждут. Но... это дело чести, и мне просто необходимо, чтобы меня сопровождал такой человек, как вы. Прошу вас...

Агриппа, хотя и был удивлён, но не показал этого. Он ещё раз поклонился и коротко ответил, что готов сопровождать графа. Спустя минуту они уже сидели в сёдлах. Агриппе раненая рука причиняла неудобство, но это было всё же лучше, чем передвигаться

пешком. Путь оказался коротким. Спустя четверть часа они уже въезжали в поместье графа. Оставив лошадей на попечение слуги, оба вошли в дом. Агриппа молча следовал за графом, не понимая ни смысл этой поездки, ни его намерений. Он только видел, что им владеет холодная решимость. И решимость эта выражалась в каждом движении. Слуги, завидев их, испуганно жались по углам, но граф вообще не обращал на них внимания. Они миновали парадный зал, поднялись по лестнице и подошли к двери. Здесь граф на мгновение остановился и прислушался. За дверью раздавались приглушённые голоса. До Агриппы донёлся отчётливый смех. Прислушиваясь к нему, он не сводил взгляда с графа Шеверни. То менялся в лице прямо на глазах. Лицо стало совершенного чёрного цвета. В глазах полыхала ярость. Прошло ещё одно мгновение, когда он неожиданно для Агриппы со всей силы ударил ногой по двери. Она с грохотом отворилась и ударилась об стену с внутренней стороны. Одновременно с этим, раздался испуганный женский вскрик. Граф ворвался внутрь. Агриппа поспешил вслед за ним. Когда он вошёл внутрь спальни, там происходило нечто невообразимое. Граф Шеверни вытаскивал из постели обнажённого мужчину который непрерывно молил о пощаде. В другом углу кровати забила женщина. Это была графиня Шеверни. Натянув одеяло до самого подбородка, она постоянно плакала. Из её груди вырвался душераздирающий крик когда она увидела, что супруг вытащил кинжал. Граф Шеверни ухватил любовника своей жены за волосы и с безмолвной яростью стал наносить ему один удар за другим. Сжатый в руке кинжал взлетал вверх и тут же снова опускался. Комната наполнилась ужасающими криками. Кровь забрызгала всю постель. Одна из струй попала прямо на лицо графини Шеверни. К тому времени когда граф Шеверни вытащил

окровавленное тело любовника жены и бросил на пол, он уже не подавал признаков жизни. Некоторое время граф с ненавистью продолжал смотреть на распростёртое у его ног мёртвое тело. Его грудь бурно вздымалась. Было заметно, что он пытается овладеть собой. Чуть позже он устремил взгляд на супругу, которая уже не плакала, но смотрела на него глазами полными ужаса. В комнате раздался прерывающийся от ярости голос:

- Я ведь любил вас больше жизни. Я готов был умереть ради одной вашей улыбки. Вы же... твердили мне о своей любви, но, стоило лишь мне ступить за порог, оскверняли это святое чувство. Вы растоптали всё, во что я верил, чему поклонялся. Простить я вас не в силах, но и лишить вас жизни не могу. Возьмите столько золота, сколько вам нужно, и прочь отсюда. Прочь - в монастырь, к новому любовнику, куда угодно. Прочь с моих глаз. Не успели отзвучать эти слова, как граф резко покинул спальню. Бросив на графиню сочувственный взгляд, Агриппа последовал за ним. Однако граф так быстро исчез из виду, что ему не оставалось ничего другого как остановиться и поразмыслить обо всём что ему довелось увидеть.

- Мерзкая сцена, - думал Агриппа, - хотя у меня нет права судить графа. Да и ни у кого нет. Он мстил за свою поруганную честь, за свою уничтоженную любовь. И кто сможет рассуждать здраво оказавшись в подобном положении?

До уха Агриппы донёлся отчётливый шум. И доносился он из спальни. Не долго думая, Агриппа поспешил обратно. Едва войдя внутрь, он увидел графиню. Она лежала на полу рядом с секретером и двумя руками держалась за горло. Её тело корчило в судорогах, а изо рта выступала пена.

- Яд, - понял Агриппа.

## Глава 10

«Чем не мельник», – думал Агриппа, приближаясь к королю Наварры. Тот сидел в одиночестве на пенке возле мельницы. Прямо над венценосной головой со скрипом, медленно вращались деревянные крылья. Вся неприхотливая одежда, включая и весьма невыразительную шляпу, которую Беарнец потом снял и отложил в сторону, была выпачкана в муке. Даже на лице были заметны белые пятна. И так невысокого роста, сидя он казался ещё ниже. Когда Агриппа с графом Шеверни спешили и подошли к нему, он занимался тем, что стряхивал муку со своей бороды. И хотя вид у него был вовсе не королевский, в уголках глаз, как всегда, мелькали весёлые искорки.

– Ваше величество, – оба сняли шляпы и поклонились. Граф Шеверни тут же учтиво отошёл на почтительное расстояние, понимая, что король желает говорить со своим посланцем наедине.

– Не стоит так строго соблюдать этикет, друзья мои, – Генрих Наваррский всегда говорил непринуждённо, голос у него был приятный, хотя и несколько усталый. И не удивительно. После такой тяжелой работы. – Берите пример с моих придворных. Как только я приезжаю на мельницу, у всех находятся неотложные дела. Вначале это обстоятельство меня задевало. Ну а потом я осознал, насколько удобно подобное положение дел. Труд мельника, он совсем не лёгкий. И одиночество весьма и весьма способствует хорошему результату. – Вам нельзя оставаться одному, – осторожно заметил Агриппа.

– И почему же? – поинтересовался король.

– Ваше величество, произошло очень много событий. Папа издал буллу, отлучающую вас от церкви и лишаящую права на трон Франции. Герцог де Гиз собирает армию. Вы для него – самый главный враг. Король Франции объявил вас врагом короны. Сюда

можно добавить ещё и призыв католической церкви уничтожать протестантов. А вы наш предводитель, наш король, наше знамя. Причин слишком много, чтобы не позволять вам оставаться в одиночестве и без всякой охраны. Ещё больше людей желающих вашей смерти.

- Ты прав, мой добрый друг Агриппа, - с печальным видом отвечал король, - все эти кузены и дяди кардиналы только и мечтают отнять у меня последний клочок земли. Именно попытки моих милых родственников стали одной из главных причин, побудивших меня обучаться ремеслу мельника. Если они соизволят оставить мне эту мельницу, я обучусь ещё и ремеслу пекаря. Кто-то же должен кормить любовников моей милой Марго. А их немало.

- Вы шутите... в столь непростых обстоятельствах и в вашем положении...

- А что не так с моим положением? - удивился Генрих Наваррский. - Слава Господу, король Франции меня ненавидит меньше, нежели короля Испании, Папа, Гизы, католическая лига и королева -мать. Тёща всё время пытается отравить, супруга изменить, её кузены - убить. Я уж стараюсь не упоминать о его святейшестве. Он, хоть и не доводится мне родственником, однако старается не меньше других. Разве это не повод для веселья, мой добрый Агриппа?

Агриппа не смог удержаться и громко расхохотался. Генрих же Наваррский, широко улыбаясь, встал с места и, похлопав по плечу Агриппу, глубокомысленно обронил:

- На самом деле, я и не собираюсь расставаться с мельницей. Понимаешь, Агриппа, я уже свыкся с мыслью, что она принадлежит мне. И не собираюсь закончить свою жизнь подобно святому Дионисию. Так что придётся поломать голову над тем, как нам сохранить...страну, то бишь мельницу. Здесь неподалёку есть красивый луг, - Генрих Наваррский взял Агриппу под руку, - там ты и расскажешь обо

всём. Красота цветов немного смягчит горечь от вестей, которые ты привёз. Ибо, как мне видится, ничего хорошего я не услышу.

Агриппа кивнул головой.

– Против нас восстают все. Герцог де Гиз оказывает огромное влияние на короля. Что ещё хуже, его буквально боготворит весь Париж. К тому же мне стало известно, что герцог пользуется поддержкой Иезуитов. В этой истине более не приходится сомневаться. Я лично наблюдал встречу Гиза с «Чёрным Папой».

– Подробней, мой друг Агриппа. Подробней...

Беседа продлилась более часа. За это время они успели обойти весь луг. Агриппа рассказал всё без утайки. Генрих Наваррский всё это время очень внимательно слушал. А потом стал задавать вопросы – он спрашивал обо всём, особенно его интересовало, что Агриппа видел по пути в Париж и обратно. Агриппа откровенно рассказал и о ненависти по отношению к протестантам, и о шайках головорезов и мародёров, которые бродили в поисках добычи. Короля интересовала любая мелочь. И лишь нахмуренные брови показывали, как именно относится он ко всему услышанному. Хотя чего греха таить, здесь в Нераке, дела обстояли не многим лучше. Уже возвращаясь обратно к мельнице, он продолжал расспрашивать Агриппу, но уже об эпизоде в монастыре Сен-Виктор. Агриппа видел, что его заинтересовала история с похищением девушки. Возможно, причиной тому явилась тень королевы-матери, несомненно приложившей руку к этой загадочной истории. Одного упоминания о ней оказалось достаточно, чтобы Генрих Наваррский пришёл в возбуждённое состояние. Приключение его явно заинтересовало и, судя по прищуренным глазам и усмешке, Беарнец нашёл в этой истории нечто приятное для себя. Что именно? Осталось для Агриппы загадкой. Пользуясь случаем, он решил прояснить некоторые свои мысли с помощью его

величества. Однако и едва заслышав слова «Белый Единорог», король резко сменил тему и заговорил о почтенном Бальи, дочь которого собирался пригласить на ужин, тем самым давая понять насколько нежелательна эта тема для беседы. Агриппу задело эти слова. Ему стало понятно, что его величество обладает достаточными знаниями в этом вопросе, но делиться ими не собирается. Пришлось возвращаться обратно не получив ответа на свой вопрос. Эти слова касались только Агриппу. Графа Шеверни они застали там, где оставили – у мельницы. Король коротко осведомился, готов ли тот отправиться в небольшое путешествие. В ответ граф поклонился:

– Я всегда готов служить моему королю!

– А вас не смущает, что итогом этого предприятия может стать... преждевременная смерть? Вы можете оказаться в ларце святого Дионисия прежде чем успеете насладиться чудесной атмосферой Парижского двора.

– Я готов, сир! – твёрдо повторил граф.

– С вашего позволения, я тоже поеду, – Агриппа вопросительно взглянул на короля. Тот выглядел весьма торжественно в эту минуту. Под стать этой торжественности прозвучал и голос:

– Друг мой, Агриппа, твоё предложение весьма любезно и как нельзя более кстати, учитывая, что без тебя осуществить это предприятие не представляется возможным. Полагаю, нам следует помочь несчастной девушке или досадить моей возлюбленной теще. Как вам будет угодно. Возьмите с собой ещё десять человек, коней, оружие. Можете забрать у казначея все мои деньги. Там остались сущие крохи. Отдаю всё.

– Это излишне, сир. Я готов взять на себя все расходы.

Генрих Наваррский с искренней симпатией посмотрел на графа Шеверни.

– Вы нравитесь мне всё больше и больше, граф.

Готовы рисковать своей жизнью, готовы предложить свои деньги, не задаёте вопросов. Я принимаю ваше предложение. И в качестве благодарности дам два добрых совета. Первый: не попадайтесь на глаза моей супруге. Второй: никому больше не предлагайте того, что предложили мне. Ну и последнее. Пока вы будете вызволять это, надеюсь, прелестное создание, я тоже не останусь без дела. Я намереваюсь всё время до вашего возвращения... прилежно играть в карты. Надеюсь, мне удастся выиграть пару эку, чтобы должным образом вознаградить вас за труды.

При слове «прелестное создание», граф Шеверни бросил удивлённый взгляд в сторону Агриппы. Тот знаком дал понять, что всё расскажет, как только завершится разговор с королём.

Прощаясь, Агриппа не сдержался и сказал то, что давно вертелось у него на языке.

– Сир, я столько времени рядом с вами, но так и не смог понять, когда вы говорите серьёзно, а когда шутите.

Генрих Наваррский легко засмеялся.

– Смерть Христова! А как ещё разговаривать, когда нет ни золота, ни армии, ни короны. Хотя всё это должно иметь место. Вот потому и приходится держать речи таким образом, чтобы часть моих слов оставалась загадкой. Умный человек решит, будто я что-то скрываю. А мне это и надобно...

Никто из троих даже не подозревал, что человек которого протестанты считали одним из главных своих врагов находится так близко от них. Но всё обстояло именно так. Генерал Иезуитов, облачённый в простую монашескую рясу, неторопливо проезжал через Нерак. Он находился в составе небольшого каравана. С ним ехали ещё несколько монахов, а также торговцы, которых сопровождала маленькая свита. Слуги по большей части сидели на повозках, доверху набитых тюками. Тюки и мешки были закреплены верёвками и кожаными ремнями. Заплатив

причитающуюся плату за проезд через город, караван спокойно миновал Нерак и двинулся дальше, в сторону Испанской части Наварры.

## **Глава 11**

Караван, в котором ехал Клаудио Аквавива, генерал ордена Иезуитов, двигался по равнине. Кастилия встретила караван холодным ветром и толпами измождённых людей – преимущественно мавров. Погрузив свой скудный скарб в повозки, которые они сами и тащили, несчастные медленно брели по дороге, желая уйти как можно дальше от этих страшных мест.

Всё чаще и чаще попадались на пути виселицы. На обнажённой груди казнённых был выжжен зловещий знак: крест в обрамлении ветви и меча – так святая инквизиция метила главных своих врагов – еретиков. Будто ужасный, зловонный частокол, виселицы сопровождали караван до самой Сории. Прибыв в город, они увидели перед собой некое подобие склепа с пустынными улицами и ветхими домами. Ни одного прохожего, ни единого торговца или нищего. Ничего, что напоминало бы здесь о присутствии людей. Только несколько бездомных собак провожали караван протяжным воем.

Сам город был расположен на равнине. Равнина тянулась далеко за пределы человеческого взгляда. Подобно безлюдной пустыне, она производила удручающее впечатление. Никаких возвышенностей, лесов или рек. Единственным исключением стала скала. На вершине скалы расположилась мощная крепость, многочисленные башни которой вкупе с крепостной стеной образовывали овал, придавая ей с высоты птичьего полёта вид огромного судна. Высокие стены с четырёхугольными башнями, чередовавшиеся через каждые двадцать шагов и дающие защитникам круговой обзор, делали крепость неприступной, а облик её грозным.

Караван, выехал из города, и неторопливо проехав по равнине, остановился у подножия скалы. Большая часть каравана начала готовиться к отдыху, намереваясь провести здесь ночь. И с этой целью люди стали возводить палатки. В то же самое время, пять мулов с седоками продолжили подъём к крепости по выбитой в камне дороге. Уже через четверть часа они оказались у приотворённых ворот, что позволило им без помех въехать в круглый, мощёный двор окружённый со всех сторон серыми постройками и соединённый между собой множеством лестниц и переходов. Хотя и постройками их можно было назвать с натяжкой. Все они являлись частью скалы и больше напоминали пещеры, на которых стояла огромная каменная стена. Чтобы лучше понять это место, следует сравнить его с...птичьими гнёздами в скалах.

Только здесь отверстия в камне служившие входом были размером с человеческий рост. Четыре стороны. В каждой не менее двадцати таких «дверей». Высота всех дверей расположена строго на одном уровне, тем самым образуя ровные линии. Поверх этих линий и шириной в три шага, нависал парапет с частоколом каменных зубцов. В просветах между этими каменными клыками были видны, если смотреть снизу со двора – так вот между ними появлялись отдельные части лафетов орудий. Парапет так же тянулся вдоль всех четырёх стен с тем лишь отличием, что обрывался в восьми местах, там где к нему примыкали длинные лестницы. Лестницы были деревянные и крепились с помощью веревок к зубцам на парапете. Всё это сооружение предназначалось для стражи, которая несла дежурство на стенах крепости. Иными слова говоря, место в котором оказался «Чёрный Папа», имели такие возможности по обороне, что могла с лёгкостью противостоять крупным военным силам в течении долгих месяцев. Видимо, эти мысли приходили в голову генералу Иезуитов, когда он сошёл с седла с помощью одного

из сопровождающих его монахов и стал озираться по сторонам. Долго ему любоваться крепостью не дали. Появились два стража. Оба обладали одинаковым оружием, это были сабли висевшие в ножнах на поясе. И одеждой – это были стёганные камзолы и плащи с меховым воротником. Выглядели они весьма и весьма внушительно. И что примечательно, никто из них не произнёс ни слова. Они просто показали знаками что могут пропустить с гостем ещё одного человека.

Проследив за их жестами, генерал Иезуитов негромко проронил:

– Стефан!

Один из монахов, тот самый без большого пальца, мгновенно выступил вперёд, а чуть позже последовал по пятам за генералом ордена.

Стражи шли впереди указывая путь. Почти сразу же, они исчезли в одном из проходов. Они вошли следом. Один из стражей снял со стены факел и повёл их за собой по мрачному тоннелю высотой чуть больше человеческого роста. Минуту спустя они достигли разветвления с маленькой площадкой и двумя другими проходами. Здесь они прошли левее и снова очутились в тоннеле, который вскоре привёл их к железной двери. Все четверо вошли внутрь и оказались в маленьком помещении. Слева возле стены стоял стол с единственным стулом, а прямо перед ними находилась ещё одна дверь. Стражи молча указали Стефану на стул. Тот устремил вопросительный взгляд на генерала. Увидев кивок, он молча выполнил требование стража. Едва это произошло, как один из них отворил следующую дверь, жестом приглашая генерала пройти внутрь. Генерал молча повиновался.

Оказавшись во втором по счёту помещении, генерал Иезуитов остановился, как только за ним закрыли дверь. Глухой щелчок стал сигналом для начала осмотра. Точно такая же как и предыдущая комната. – думал оглядываясь вокруг себя. С той лишь

разницей, что здесь пол был устлан коврами, а в середине помещения стоял круглый столик на выгнутых ножках и два роскошных кресла, по одному с каждой стороны. Сюда можно было добавить корзину с фруктами, и два бокала наполненных красноватой жидкостью. Именно они и привлекли внимание святого отца. Он сбросил с головы капюшон и направился к столику. Затем поднял бокал и принюхался к его содержимому. Судя по всему...вино. И вино хорошее. Он опустился в кресло, откинулся на спинку и вложив руки в рукава рясы, погрузился в раздумья. Однако, почти тот час же оторвался от своих мыслей и устремил напряжённый взгляд в сторону двери. Именно оттуда послышался шум. Судя по этому взгляду, он и понятия не имел, кто именно войдёт в комнату. Оставалось лишь строить догадки. Но они оказались слишком далеки от реальности. Лицо Иезуита отразило отчётливую растерянность, когда он увидел...молодую женщину. Она была высока ростом и великолепно сложена. Очертания тела весьма отчётливо угадывались благодаря красной накидке из тончайшего шёлка, которая и служила ей одеянием. Пояс был стянут золотой цепью с круглыми кольцами в виде монет на которых были изображены непонятные символы. Открытые плечи и полуобнажённая грудь отливали мрамором. Образ довершали завитые волосы и чёрная маска закрывающая всё лицо. Открытыми оставались лишь глаза и губы. Такой прекрасной и загадочной. Она и предстала перед генералом Иезуитов. Он поневоле поднялся, когда эта женщина опустилась в кресло напротив него.

-Святой отец желал меня видеть, - голос у женщины был чёткий, но вкрадчивый. Так разговаривает вор который хочет украсть, но не знает как именно это сделать.

- Вероятно произошла ошибка, - Иезуит нахмурился заметив, что женщина слишком явно выказывает свои прелести напоказ. Выразилось это в полной мере,

когда она наклонилась и взяла яблоко из корзины, тем самым почти полностью обнажив свою грудь. – Я желал повидаться с главой ордена, – с откровенной неприязнью глядя на свою собеседницу, закончил он. – Она перед вами!

– Гета? – недоверчиво спросил Иезуит устремляя на неё испытывающий взгляд, словно собирался уличить во лжи. Однако в ответ раздался спокойный голос:

– Гета! – женщина смачно надкусила яблоко и с некоторой грациозностью и изяществом медленно откинулась назад, делая свободной рукой приглашающий жест, в значение которого не приходилось сомневаться. Иезуит медлил лишь мгновение. Он принял действительность. Однако с некоторым неудовольствием. Именно это чувство отразилось в первых его словах:

– Вы обещали нам золото, но не прислали. Могу я узнать почему?

– Вы мешаєте нам! – ответ прозвучал резко, подобно удару хлыста.

Иезуит ещё больше нахмурился так как прекрасно понял о чём именно шла речь.

– Вера в Господа не может становиться предметом торга. Ради этой веры мы сражаемся с врагами церкви.

– Так и довольствуйтесь своей верой.

– Следовательно, мы не получим от вас золота?

– Получите, если перестанете нам мешать.

– Мы не можем позволить чернокнижникам вести проповедь среди нашей паствы! Этого никогда не будет.

– Тогда зачем вы здесь? Понятно, – голос женщины прозвучал с откровенной насмешкой, – речь идёт...о «Чаше Императора»?

– Да. Именно по этой причине я и просил встречи, – спокойно ответил на это Иезуит, – вы можете отказаться от всех наших договорённостей, но только не от этой.

– Вы угрожаете нам?

-Предостерегаю. Ваших людей видели в аббатстве Сен - Виктор.

-Вот как? - голос женщины сразу стал холодным как лёд а когда она продолжила в нём послышалась откровенная угроза. - Это вы убили наших братьев?

-Держитесь от неё подальше, иначе вы будете иметь дело с нами. А если она ненароком умрёт, - взгляд Иезуита досказал всё лучше всяких слов. Но они не возымели нужного действия. Ответом стал издевательский смех.

- В какую игру вы играете? - женщина перестала смеяться так же внезапно, как и начала. - Если вы знали, что она находится в монастыре, тогда для чего вам понадобился...герцог Гиз?

Эти слова заставили Иезуита вздрогнуть. Он резко встал с места и быстро направился к двери. Вслед ему снова зазвенел дьявольский смех.

Увидев лицо святого отца, Стефан поднялся и поспешил за ним следом. Спустя несколько минут, они уже покидали крепость. Едва они выехали за ворота, как генерал Иезуитов тихо прошептал:

-Стефан, немедленно скачи в Париж. Они обо всём догадались. Жизнь герцога де Гиза в смертельной опасности!

## Глава 7

Холодным утром, несколькими днями спустя, на правом берегу реки Шер, появилась карета запряжённая двойкой серых лошадей. Она двигалась по накатанной колее, мимо многовековых деревьев... направляясь в сторону величавого замка. Окна кареты были плотно занавешены чёрным бархатом, отчего не представлялось возможным рассмотреть тех, кто мог находиться внутри. На дверце слева, была изображено сломанное копьё, а под ним надпись «От этого все мои слёзы и боль моя». Карета,

двигалась слишком медленно. Прошло не менее получаса, когда она свернула вправо, а затем сделав полукруг, въехала на большую площадку нависавшую над рекой в непосредственной близости от моста, ...моста который вёл к воротам замка. Как только карета остановилась, кучер слез с козел и открыл дверцу кареты. Внутри послышалась возня, а мгновением позже показалась старческая рука. Кучер, ухватил эту руку, помогая тем самым её обладателю выбраться из кареты. Понадобилось ещё несколько минут, прежде чем, человек, с ног до головы укутанный в меха, выбрался из кареты. И не мудрено. На вид ему можно было дать не менее ста лет. Глубокие морщины, седая борода и почти стеклянный взгляд. Он едва мог передвигаться, но говорил довольно внятным голосом. Поблагодарив кучера за помощь, он собирался направиться к воротам, но в это мгновенье, они открылись и показались два стражника в серебристых доспехах. Они разошлись по разным углам и обернувшись лицом к проходу, застыли. Следом показались три женщины. Двое остановились сразу за воротам. Они присели в реверансе, провожая взглядами полную женщину маленького роста. Женщина была облачена в чёрное платье с высоким, стоячим воротником. К груди прилегал серебряная пряжка сотканная умелым ювелиром из множества тонких колец. Пряжка служила застёжкой для меховой накидки, ниспадавшей со спины до самой земли, или правильнее будет сказать – мостовой, ибо женщина шла по мосту умощённому плоскими камнями.

Это была, Екатерина Медичи, вдовствующая королева – мать. На лице была заметна некоторая усталость. И оно никак не вязалось с радостной улыбкой, что была направлена в адрес прибывшего старца. Тот попытался было пойти навстречу, но королева, жестом показала чтобы он оставался на месте. Тогда он низко поклонился, и оставался в таком положении до той поры, пока не услышал рядом с собой,

дрожащий голос, в котором слышалось отчётливое волнение и даже страх:

– Лука Горико...я желала видеть тебя и страшилась встречи. Мы трижды встречались, и всякий раз, твои предсказания были столь ужасны, что мне хотелось отдать тебя в руки палача. Я потеряла всё. Остался лишь единственный сын и единственная надежда. Ты должен укрепить эту надежду. Идём со мной!

–Моя королева, – голос астролога прозвучал более уверенно нежели голос королевы. Это был тот самый астролог, который с точностью предсказал смерть короля Франции, Генриха II. Именно его проклял Монтгомери, увидев, что нанёс своему господину смертельную рану. Всего лишь одно из предсказаний великого астролога и предсказателя судеб.

Королева, взяла астролога под руку и повела в сторону двух башен, что возвышались справа от замка. Одна узкая, другая широкая. Сливаясь по воле архитектора, они очень напоминали своим строением маяк. Единственная дверь в «двух башнях», отворилась, едва они подошли к ней. Их встретил слуга в тёмной ливрее. С его помощью, астрологу удалось подняться по лестнице на следующий уровень. Здесь астролога ждала натопленная комната и обильная еда. Слуга помог ему избавиться от мехов, и усесться на стул с высокой спинкой. Он же налил ему вина в кубок. Затем слуга собирался подойти к королеве, которая всё это время молчала наблюдала за происходящим, но она знаком показала, чтобы его помощь не нужна. Слуга ушёл. Лишь после этого королева заняла место в другом конце стола. Но не к вину, ни к пище, не притронулась. Она только смотрела на астролога. А тот, лишь слегка пригубив вина, тихо заговорил. Старческий голос, время от времени прерывал кашель, после которого в уголках губ появлялись капли крови.

–Ваше величество. Чем я могу помочь? – произнося эти слова, Горико, достал кусок красной материи и

вытер кровь с губ.

-Вы знаете...когда настанет ваш час? – неожиданно спросила у астролога, королева.

-Я проживу не более трёх месяцев, моя королева! – не задумываясь, ответил астролог.

-А сколько...

Горико, поднял морщинистую руку и умоляюще произнёс:

-Нет, моя королева. Я не отвечу на этот вопрос, хотя точно знаю в какой год, и в какой день это произойдёт.

-Хорошо, Горико. Ты предсказал смерть моего супруга, ты предсказал смерть моих детей. И всякий раз твои зловещие предсказания исполнялись, но сейчас, – королева устремила на астролога взгляд в котором чувствовались осколки той ненависти, которую она питала к нему на протяжении последних 30 лет, – сейчас я хочу ещё раз проверить твоё умение. Для этого, ты должен последовать за мной.

-Я готов! – астролог, не без труда встал со стула.

-Сюда! – королева поднялась с места и направилась к дубовой двери с красивыми узорами. Мгновением позже, она распахнула дверь и вошла внутрь. Шаркая ногами, астролог вошёл в комнату вслед за ней.

Королева, закрыла дверь, а затем указала на ложе, под балдахином. Сквозь шёлковую ткань были видны очертания тела.

-Что ты можешь сказать об этой девушке? – королева подошла к ложу и отдёрнула ткань. Взгляду астролога предстала полностью обнажённая девушка с длинными, чёрными волосами. Он подошёл ближе и увидел, что у неё раскрыты глаза, но...тем не менее. Она не подавала и признаков жизни. Её груди...лишь слегка приподнимались и опускались.

-Семена мака...она одурманена ими...

-Это не столь важно, – перебила его королева, – что ты можешь сказать о ней?

-В ней всё совершенно, – медленно выговорил астролог, оглядывая лежащую перед ним девушка, –

благородство крови не вызывает у меня сомнений. – Эти груди...налитые словно спелый плод, стройный стан, бёдра...удивительной формы...ноги...в них нет ни малейшего изъяна...они словно вылеплены умелой рукой скульптора...взгляните, как плавно,... насколько изящно сочетаются они с бёдрами. Как красив этот изгиб возле колен,...шея также безупречна, что же до лица...мне никогда не приходилось видеть столь правильных линий. Она совершенна во всём, но...

–Но, – подхватила королева внимательно наблюдавшая за астрологом. Тот в этот миг наклонился над головой девушки и стал рассматривать её глаза.

Почти сразу же раздалось тихое бормотанье:

–Если только это не следствие одурманивания...её глаза...очень странного цвета...они в точности напоминают...блеск золота... – астролог, внезапно замер. Затем медленно выпрямился и устремив на королеву потрясённый взгляд, прошептал:

–Чаша...Императора?

Екатерина Медичи, устремила на него горящий взгляд.

–Ты понимаешь, Горико? Лучшие королевские династии по сравнению с ней, не более чем жалкое подобие величия. И она спасёт нас. Она возляжет с королём Франции. Она родит мне внука. И он по праву будет править Францией. Я хочу этого. И так будет. Астролог, молча повернулся и медленно направился к двери.

–Остановись, Горико! – гневно вскричала королева.

– Ты поможешь мне, иначе я велю казнить тебя. Ты более не выйдешь из этого замка.

–Это ни спасёт ни вас, ни вашего последнего сына! Астролог вышел в другую комнату, подошёл к своему стулу, и опираясь на край стола, медленно опустился. Он снова вытер кровь со своих губ.

Прядь бороды возле подбородка успела окраситься в красный цвет.

–Что ты сказал? Как ты посмел? – в дверях появилась королева. Весь её облик пылал гневом. –

Ты снова предсказываешь... смерть? Ты смеешь... угрожать?

Насмешливая улыбка астролога, вызвала новый приступ кашля. По телу прошли несколько сильных судорог. Прошло некоторое время, прежде чем он смог ответить.

-Моя королева хотела получить помощь? - с большим трудом выговорил астролог, вытирая кровь. - И вот вам мой совет. Отвезите...её...туда, откуда взяли. На ней лежит... печать смерти. Она... умрёт...

насильственной смертью. Умрут и те,... кто будут... связаны с ней. Вашим мечтам... не суждено сбыться.

Вы лишь... обретёте... могущественных врагов.

-Я начинаю понимать тебя, - королева стала понемногу успокаиваться, - ты имеешь в виду, Иезуитов? Они, прятали её от меня. Но мне всё же удалось узнать, где она. Они, не станут враждовать со мной. Не посмеют.

У королевы появилось удивление на лице. Астролог вытянул дряхлую руку, и указывал ей на кресло. В глазах у неё начал было появляться гнев, но он испарился, как только астролог снова заговорил. На сей раз его голос прозвучал более уверенно:

-«Первый Никейский собор»...

-Что? - королева заняла прежнее место, скорее от растерянности, нежели подчиняясь просьбе астролога. - К чему эти странные и совершенно неуместные слова?

-Я астролог, и уж потом верующий, моя королева. Потому и хочу сообщить вам нечто, очень важное. Молю... запастись терпением и не перебивать меня. Ибо, как только я закончу,... ваше величеством поймёт, почему... я сейчас решил заговорить об этих событиях...- он взялся за грудь, несколько раз глубоко вздохнул, затем положил обе руки на край стола и продолжил. - Более 12 веков назад произошли сразу три важных события. Два из них были столь незначительны, что никто не придавал им значения. Третье же, имело столь огромное

значение, что никто не счёл нужным выяснять подробности, – астролог, несколько раз глубоко вздохнул, и когда королеве показалось, что он снова зайдётся кашлем, Горико заговорил почти без запинок. – Итак, Константин Великий, созвал собор для того чтобы утвердить единство церкви. 318 епископов из разных стран определяли, какой именно должна быть вера в Господа нашего. В то время, и вашему величеству это известно не хуже чем мне, существовали серьёзные разногласия между святителем Николаем, и Арием. Доводы Ария оказались столь убедительными, что святитель Николай...ударил его перед всем собором. И здесь произошло событие, которое осталось незамеченным. К Константину, подошёл командующий его армией и сказал:

«Мой император, эти люди с умилением говорят о любви, призывают прощать своих врагов, но сами бьют, когда с ними не соглашаешься». Император, надолго, ...запомнил эти слова, – астролог, на мгновение остановился, сделал нескольких глубоких вздохов, и снова продолжил, – эта история получила своё продолжение, когда император тяжело заболел. К нему в опочивальню, явился командующий 12-м легионом. Этот легион занимал особое положение. На протяжении столетий, в нём служили лучшие из лучших. Император, по просьбе святых отцов, хотел направить легион в Галлию. Там по слухам, пустила корни языческая секта. Они подносили человеческие жертвы, Гекате – Богине преисподней.

Королева несколько раз осенила себя крестным знаменем, едва ли не с ужасом взирая на астролога. Она не понимала, как можно говорить о таких вещах с таким спокойствием, но не перебивала. Королева, знала этого человека. И знала, что он ничего не говорит без веской на то причины:

–Когда легионер вошёл в опочивальню императора, там находились несколько священников. Они, установили в его изголовье...святой крест. Завидев

этот крест, легионер пришёл в ярость. Он подбежал к изголовью, взял крест и сломал его об колени, при этом гневно восклицая:

-Как посмели вы, принести это мерзкое орудие пыток в опочивальню к величайшему из императоров.

-Господи Иисусе, - шептала крестясь королева, - безбожник, богохульник...

-Символом 12-го легиона, всегда был... «белый Единорог». Но с того дня, он получил новое название... «Антихрист», не дьявол, но... «не признающий крест».

-Император, его казнил, надеюсь? - королева, всё ещё находилась под впечатлением услышанного, и осеняла себя крестным знаменем

-Удивительно, но с той поры никто больше не слышал о 12-м легионе. Он исчез. Исп...рился... астролог, резко схватился за грудь и зашёлся кашлем. Из рта потекла кровь. Королева, порывалась было встать, но Горико остановил этот порыв жестом руки. Очень скоро, кашель прекратился и бледные губы изрекли прерывающий шёпот:

-Эта...проклятая...болезнь...выводит всю кровь...из моего тела...

Он вытер кровь и некоторое время сохранял молчание. Астролог, выглядел совершенно измученным. Ему с трудом давалась длинная речь. Но, тем не менее, он решил закончить свой рассказ.

-Вместе с легионом...исчез и любимый сын Константина. Что...странно...именно тогда...появились слова «Чаша Императора». Ещё более странно выглядит...слух, который распространился после смерти Константина. Молва утверждала, что у императора случились видения. И потому, перед самой смертью, он отдал приказ своему сыну...

-Это не слух, - резко перебила астролога, королева, - я знаю о чём ты говоришь. Его сын, должен был тайно основать императорскую династию. И она должна была стать тем источником, который сохранит кровь великого императора. Доказательство

того, находится в соседней комнате. И тебе это известно

-А вот второй слух...молва утверждала...будто... император... наложил на 12-й легион...тайную миссию. Якобы это было связано с...Николаем Святителем. Он верил в Господа, но сомневался в людях. Оттого и приказал...легионерам...тайно наблюдать... за отцами церкви...вера в Господа, ...могла быть...основана...только на любви...на любое иное действие...должен был дать ответ...12-й легион.

-И сколько истины в этих слухах? - королева устремила напряжённый взгляд в сторону Горико. Тот, в это время потянулся к кубку. Глотнув вина, он глубоко выдохнул и только потом ответил:

-Судить вашему величеству, но...несколько лет назад... я стал свидетелем очень необычного сражения. Мы направлялись в...Аквитанию.

-Уж не к Генриху ли Наваррскому? - угрюмо поинтересовалась, королева. Астролог, едва заметно пожал плечами.

-Я оказывал услуги многим вельможам.

-Продолжайте, Горико! - скрипя зубами попросила королева

-Со мной...в карете...ехали ещё четверо. Это была... пожилая чета...священник...и молодой человек лет двадцати двух...или чуть более. Он меня...сразу заинтересовал. И не только выразительностью своего лица...он был одет бедно, но сложен великолепно...лицо...несомненное красиво, но...это была не...изнеженная красота, а скорее...холодная. Правильный нос, открытый лоб, тонкие губы, очень выразительные голубые глаза, светлые волосы, но не слишком...он был коротко острижен, что...необычно, учитывая благородную внешность...ни усов, ни бороды, свойственную... многим молодым людям ...я смотрел, и...меня не оставляла... мысль о том, что я знаком с ним. Ближе к вечеру... третьего дня пути...на нас напали. Разбойники...носили чёрные маски...их лица были закрыты. И им нужен был только

священник...ни золото, ни драгоценности, только священник...шесть вооружённых человек...мы все испугались, а молодой человек...

-И что с ним стало?

-Он убил всех...моя королева. Потом забрал священника...и ушёл. Позже...я понял то, что от меня ускользало...он был похож...на камень. Такой же...твёрдый. Таким...я и представлял его...всегда...

- Я не понимаю тебя, Горико!

-«Белый единорог», моя королева...12-й легион... Антихрист...называйте как угодно. ..главный из них. Они, охраняли...чашу императора...значит, у них...имелись...веские причины. И они придут за ней. Придут и другие...те, кто...желает ей смерти

-Её хотят убить? Кто? Кто её хочет убить? Ты всё знаешь, Горико. Назови мне имена этих людей. Я хочу знать кто они. Горико...- привстав с места, гневно закричала королева. - Я должна знать всё. И прежде всего, я хочу узнать причину. Почему её хотят убить?

Астролог лишь отрицательно качал головой. С его уст сорвался едва слышный шёпот:

-Поздно...слишком поздно...не спасётся никто...ни Валуа...ни Бурбон...

## Глава 8

Разговор с астрологом, принудил королеву, принять самые строгие меры, призванные оградить пленницу от внимания. Она была переведена в замок, в покои смежные с опочивальней самой королевы. У дверей была поставлена надёжная охрана из двух человек. Никто не мог входить или выходить к пленнице, без позволения королевы. Исключение составляли лишь, отдельные слуги. Им надлежало заботиться о

пленнице.

Лишь уверившись в том, что её распоряжения выполняются надлежащим образом, королева решилась на поездку, о которой думала всё последнее время. Благо, к тому располагали все события последнего времени. Уже на следующее утро, из замка выехали две кареты. В первой находилась лишь королева и астролог Горико. Во второй, две придворные дамы и личная горничная Екатерины. В поездку взяли лишь самые необходимые вещи. Королева, желала, чтобы цель, как и сама поездка, оставались в тайне. Путь лежал в Шартр, где король Франции принимал покаяние, как самый обыкновенный смертный. Мерное постукивание колёс и лёгкое покачивание, привели к тому, что астролог, сразу же погрузился в дремоту. Немало способствовали этой дремоте, и меха в которые он был укутан. Заметив, что её спутник решил вздремнуть, королева грозно произнесла:

-Не смейте спать, Горико! Я не для того лишила себя общества, чтобы потом, наблюдать за вашим сном. Я всю ночь не могла уснуть. Наша беседа оставила много вопросов. Я знаю, вам тяжело разговаривать. Посему, я буду задавать вопросы, а вы отвечайте коротко или кивайте.

Астролог, разомкнул веки, и устремив на королеву непонятный взгляд, слегка кивнул.

-Хорошо, - довольная началом беседы, произнесла королева и придав голосу озабоченность, продолжала, - ты упоминал о людях... «Белый Единорог». Если они защищали герцогиню, следовательно, я ошиблась...когда предположила в качестве защитников, Иезуитов?

Горико, снова кивнул.

-Так значит, я должна считать этих людей врагами? В ответ последовал неопределённый взгляд. Королева

приподняла брови от удивления.

-Нет? Ты полагаешь, они не станут мстить?

Испугаются? Или что? Они...не так могущественны?

-Сотни и сотни...- раздался слабый голос Горико, -  
воинов...живущих и умирающих...во имя чести...

-Отлично! И если они не мстительны, следовательно...  
я смогу их использовать против Гизов? - королева,  
не обратила внимания на укоризненный взгляд  
астролога и продолжала развивать мысль, которая  
всё больше и больше ей нравилась.

-Я должна поговорить с ними. Где их можно найти,  
Горико? У них должен быть свой город или замок.  
Как они пополняли свои ряды всё это время? Кто  
руководит ими? А не возможно ли, что этот человек  
хорошо известен...под другим именем? Хотя, к чему их  
искать? - королева задумалась, но только лишь на  
одно мгновение. - Если ты сказал правду, так они  
придут за ней. И тогда...я просто выставлю им  
условия. Герцогиня, в обмен на Гизов. Я отдам её,  
но...только после того, как она родит мне внука. К  
тому времени, она мне будет не нужна. Пусть делают  
с ней всё, что пожелают. Горико? Тебе...

нездоровится? - королева с беспокойством смотрела  
на астролога. Тот закрыл глаза и слегка  
покачивался. Губы астролога, шевелись, но...  
совершенно беззвучно. ----- - Горико? -  
настойчивее окликнула его королева. И тогда она  
услышала очень странные слова.

- Звёзды...часто... предрекают...события...кровавые и  
ужасные...но страшнее всего...когда ты...понимаешь...что  
они...начинают...сбываться...

Сразу после этих слов, у астролога начался сильный  
приступ кашля. Глядя на кровь, выступающая из его  
рта, королева осознала, что этот человек может  
умереть здесь же, если продолжит разговор. Но,  
Горико был необходим ей. Его величеству, внушало

ужас, одно лишь упоминание об астрологе сделавшем столько зловещих предсказаний. Раз он даже признался, что имя Горико – он всегда сравнивает со...смертью. Королева, хотела использовать астролога в случае, если все остальные доводы не возымеют нужного действия. Посему, она остановила карету, и произвела некоторые изменения. Астролога, отправился в другую карету, и занял место рядом с горничной, а дамы, пересели в карету королевы. Так она решила скрасить своё короткое путешествие.

Ближе к вечеру, обе кареты, въехали во двор старого монастыря. В то время, когда для неё готовили место для ночлега, она направлялась следом за священником. Оставив её у двери часовни, он сразу же удалился. Королева же, вошла внутрь. Часовня – представляла собой, небольшое, и довольно мрачное на вид, помещение. Недалеко от двери лежала охапка соломы. Рядом с соломой, лежала железная миска с едой и кубок, наполовину наполненный водой. В дальнем углу, стояло изваяние Иисуса Христа, распятого на кресте. Перед изваянием Христа, на каменных плитах, раскинув в сторону руки...животом вниз, лежал король Франции. Из одежды, на нём имелась лишь длинная рубашка из грубой ткани. На спине, рубашка была изорвана в нескольких местах. Из под рванной материи, виднелись свежие рубцы и засохшая кровь. Заслышав шаги, король, приподнялся, и встав на колени, произнёс измученным голосом:

–Кто здесь?

В ответ, полное молчание. Он повернул голову, и увидел женщину в чёрном платье. Она, стояла на коленях молитвенно сложив руки, и горячо молилась. – Матушка? Вы здесь? Вы решили помолиться за мои

грехи? – с отчётливой радостью, произнёс король.  
– Все мы достаточно молились Всевышнему, – осенив себя крестом, королева поднялась и устремила на сына повелительный взгляд, добавила: – Пора подумать о том, что Господь доверил вашему величеству.

Король, поднялся на ноги и устремил на мать хмурый взгляд,

– Я вернусь не раньше, чем получу прощение за свои грехи. Франция может подождать, но не Господь! Он должен видеть моё раскаяние, ибо я долго грешил. Королева, подошла к сыну, и взяв его за руки, произнесла так мягко, как только могла:

– Ваше величество, Франция охвачена смутой. Гизы, стремятся захватить то, что принадлежит только вам. После того, как вы прославили имя святой католической веры, протестанты...открыто выказывают своё неповиновение. И у вас...всё ещё нет наследника. И это обстоятельство, угрожает трону наиболее всего остального.

– Что я могу сделать, матушка? – с несчастным видом, прошептал король. – Мы с Луизой, молились. Мы просили Господа не единожды, но он так и не услышал нас.

– Господь, не может не услышать ваше величество. Он видит ваше раскаяние, ваши страдания, – королева устремила глубоко нежный взгляд на сына, и только потом продолжила, – вам известно, как сильно я всегда любила вас. Сейчас же эта любовь увеличилась многократно. Я потеряла супруга и всех своих сыновей. Вы единственный, ради кого, я продолжаю жить и бороться. Так не оставляйте же одну свою несчастную матушку, Генрих.

Король склонился, и прижавшись губами к руке матери, тихо прошептал:

– Что я должен сделать матушка?

-Приезжайте в замок Шенонсо, так скоро, как только сможете. Я так же извещу Луизу. Вы должны узнать о том, что я составила завещание. В нём, я передаю Шенонсо, место, где я провела самые лучшие дни моей жизни - Луизе. Она всегда была вам преданной, любящей супругой...и потому заслуживает самого лучшего к себе отношения.

-Я буду у вас не позже чем на следующей неделе, матушка.

- Я не ожидала иного ответа, - королева, дотронулась двумя руками до лица короля, и приподнявшись, поцеловала его в лоб. - Жду вас в замке, сын мой.

Эти слова, подводили итог очень важному разговору. Королева, ушла, оставив сына в одиночестве.

Король, некоторое время смотрел на дверь, через которую вышла женщина, которую он всегда любил и почитал, затем повернулся и опустившись на колени, прошептал:

-Господи, настаёт время, когда я должен позаботится о своём несчастном народе. Умоляю...не оставляй меня...не позволяй греховным мыслям вновь овладеть моим телом. Спасения, Господи...спасения и отпущения грехов прошу у тебя, как самый бедный и самый несчастный из людей...

## Глава 9

А вот и Нерак. Агриппа, вздохнул с глубоким облегчением. Дни, полные опасений и тревожных мыслей, остались позади. Он брёл по знакомым улицам, с удовольствием вдыхая воздух свободы. При этом, его ничуть не смущал свой собственный вид.

Одежда, и в особенности плащ со шляпой, выглядели изрядно загрязнёнными. Раненая рука висела на куске грязной материи. Про сапоги, и говорить не приходилось. Разве что, рукоятка шпаги оставалась чистой. И не удивительно, учитывая тот факт, что он чистил шпагу ежедневно. Но разве всё это имело значение? Он выполнил поручение короля. Мысли Агриппы, вернулись к недавним событиям. Нередко, за последние дни он задавался вопросом о том, как ему следует отнестись к словам человека, который спас ему жизнь, и судя по всему являлся главой этого ордена. С той минуты, когда они покинули место сражения, он больше не видел его. Но предводитель, сдержал своё слово. Ему помогли выбраться из Парижа.

Весь путь от Парижа до Нерака, Агриппа, только и видел, что пожарища и опустошение. Не раз на пути встречались толпы озверевших людей, которые только и делали, что призывали уничтожать протестантов. Виселицы, костры...шайки головорезов...чего только не довелось увидеть Агриппе. Сейчас, всё это уже позади, но лица людей в Нераке, ничем не отличаются от тех, что ему довелось видеть по пути. Только на сей раз, раздаются угрозы в адрес католиков. Звучат проклятья в адрес кардиналов. Везде ненависть...одна лишь ненависть... Агриппа взошёл на маленький мост и здесь остановился. Облокотившись на каменный парапет, он смотрел как внизу, под ним, плещется вода. Возможно, он бы долго простоял наслаждаясь течением маленькой речушки, однако его внимание привлекла внушительная толпа на другом берегу. Присмотревшись, он увидел двух молодых людей. Они, вели ожесточённую схватку на шпагах. Именно за ними и наблюдала толпа. Одного из них, Агриппа узнал. Это был юный граф Шеверни. «Бледный граф»,

как его называли при дворе за неестественный белый цвет лица. Он состоял в свите короля. Кроме всего прочего, он наверняка бы знал, где находится его величество. Агриппа, торопливо направился в сторону дуэлянтов. Когда он приблизился к месту битвы, сражение кипело вовсю. Оба соперника отлично владели шпагой. Атаки чередовались отскоками назад. Выпады следовали один за другим. Стремительные и нацеленные на один единственный удар, который и должен был определить победителя. Агриппа, встал в стороне от дуэлянтов, и молча наблюдал за поединком. Вот оба одновременно остановились. Молча сбросили с себя камзолы и несмотря на холод, продолжили бой в одних рубашках. Наблюдая за ними, Агриппа понимал, что такая яростная схватка быстро приведёт к усталости. И тогда всё закончится очень быстро. Не успела эта мысль промелькнуть в его голове, как он увидел конец поединка. Шпага, юного графа пронзила грудь противника. Тот упал на колени, выронил шпагу, а затем опрокинулся на спину. Грудь раненного бурно вздымалась, на рубашке стало расплываться красное пятно. Раздался хриплый голос:

-Я умираю..

Граф Шеверни, вложил шпагу в ножны. Затем опустился на одно колено рядом с поверженным противником, и негромко произнёс:

-Пусть Господь вас простит, я же более не таю обид.

- Я был не...единственный...она недостойна вашей любви, - раздался в ответ прерывающий голос.

Граф Шеверни, нахмурился.

-Если вы говорите об этом сейчас, значит так и есть! - он поднялся. Оглянувшись, вокруг себя, граф подозвал к себе четырёх зевак. Когда они

подошли, он дал им несколько монет и попросил отнести тяжело раненного маркиза, домой. Как только маркиза подняли и понесли, Агриппа, подошёл к графу. Тот не сразу заметил его, так как был погружён в раздумья.

-Насколько помнится, вы были друзьями, - негромко произнёс Агриппа.

Граф Шеверни, словно очнулся от забытья.

-А, это вы, сударь, - негромко обронил он слегка склонив голову в сторону Агриппы, - не далее как вчера, король справлялся о вас.

-Вам известно, где находится его величество? - коротко спросил Агриппа. Он отчётливо понимал, что граф не собирается обсуждать причину ссоры с другом.

-На мельнице. Его величество, пребывает в прескверном расположении духа. Вчера, стало известно о том, что Папа Римский отлучил его от церкви. С того времени, король сам на себя не похож.

-Вы не могли бы одолжить мне одного из тез двух коней, - Агриппа указал на пригорок, где мирно паслись две лошади, - они ведь ваши, как я понимаю. Мне необходимо повидать его величество.

-Одна лошадь принадлежит маркизу. Но вы можете взять любую сударь, я возмещу маркизу все убытки.

-Благодарю вас, сударь. Но полагаю, что смогу это сделать сам, - Агриппа поклонился и, направился было к лошадям, но тут же принуждён был остановиться и повернуться. Граф Шеверни, его окликнул.

-Сударь, не окажете ли вы мне услугу?

-Какую именно? - поинтересовался Агриппа.

-Не соблаговолите ли вы отправиться в мой замок... прямо сейчас?

-Благодарю вас, сударь. Но первым делом, я должен

повидать короля, – Агриппа, наотрез отказался, и собирался уйти, но снова услышал голос графа. Тот подошёл к нему, и с некоторой отрешенностью, сказал:

– Я бы не попросил вас, сударь, ибо знаю лучше других с какой нетерпеливостью вас ждут. Но...это дело чести, и мне просто необходимо, чтобы меня сопровождал такой человек, как вы. Прошу вас... Агриппа, хотя и был удивлён этими словами, но не показал этого. Он только поклонился, и коротко ответил, что согласен сопровождать графа. Через минуту, они уже сидели в сёдлах. Агриппе, раненая рука причиняла неудобство, но это всё же лучше, чем передвигаться пешком. Путь оказался коротким. Спустя четверть часа, они уже въезжали в замок. Оставив лошадей на попечение слуги, оба вошли в замок. Агриппа, молча следовал за графом, не понимая ни смысл этой поездки, ни его намерений. Он только видел, что им владеет холодная решимость. И эта решимость выражалась в каждом движении. Слуги, завидев их, испуганно жались по углам, но граф вообще не обращал на них внимания. Он целенаправленно двигался к определённой цели. Они миновали зал, поднялись по лестнице, а затем подошли к двери. Граф, практически не останавливаясь, распахнул их настежь, и вошёл внутрь. Вслед за этим действием, раздались испуганные крики. Когда Агриппа, вошёл вслед за графом, он увидел, что то стоит перед кроватью. В кровати, лежали мужчина и женщина. Оба были обнажены. Натянув одеяло до подбородка, они с неподдельным ужасом смотрели на графа. Тот некоторое время молча созерцал эту картину, а затем, громко позвал слуг. Один из них, тотчас явился на зов. Он выглядел изрядно напуганным. Граф, приказал ему принести две шпаги. Слуга

бросился выполнять приказ. Агриппа, молча наблюдал за происходящим. До него стал доходить и смысл слов самого графа, и смысл слов его поверженного противника. Тем временем, женщина осмелилась подать голос.

-Супруг мой...это всего лишь ошибка...я всегда любила только вас...

-Замолчите, сударыня, - резко осадил её граф Шеверни, - время для ваших разговоров закончилось. Сейчас же, вам вместе с вашим любовником, предстоит нести ответ. Приготовьтесь к нему. После этих слов, мужчина стал зелёного цвета, а женщина...она совершенно застыла от страха. Не мигая, смотрела она на грозный облик своего супруга. Тем временем, слуга принёс две шпаги из оружейной. Граф принял их, и тут же бросил на кровать со словами:

-Будете вдвоём сражаться против меня. Убьёте меня, так значит, я заслуживал такого оскорбления. Умрёте вы, следовательно никто подобно маркизу, не посмеет более оскорбить меня.

-Агри, - раздался умоляющий голос...

-Речь идёт о моей чести сударыня, - резко оборвал её граф, - здесь возможно лишь два решения. Или вы оба умрёте, или я один. И не вздумайте одеваться, - угрожающе добавил граф, увидев, как мужчина потянулся к разбросанной на полу одежде, - в каком виде грешили, в том и будете отвечать. Скорей, иначе клянусь своим именем, я убью вас обоих прямо в постели.

Обнажённый мужчина вышел из постели и трясущими руками взял одну из двух шпаг. С ней в руках, он встал напротив графа. Он был в ужасе и едва владел собой.

-Сударыня, - граф устремил жёсткий взгляд на супругу.

-Я не могу...ваш друг здесь...- она смотрела на Агриппу. Тот собирался было уйти, но его задержал граф.

-Оставайтесь, сударь., - попросил он Агриппу. - Вы должны видеть. Что всё свершилось по справедливости. Что касается остального...так ей не впервой показываться обнажённой перед моими друзьями. - граф вновь устремил взгляд на супругу и грозно добавил, - займите место рядом с вашим любовником.

Та покинула постель. Взяв в руки шпагу, она молча заняла место рядом с любовником. Увидев это, граф вытащил из ножен шпагу, и коротко бросил:

-Защищайтесь!

Первым же выпадом, он пронзил сердце любовника своей супруги. Тот, вначале схватился за грудь, затем попятился назад и опрокинулся на окно. Раздался звон разбитого стекла, а вслед за ним, и звук падающего тела.

-Простите меня...- графиня выпустила шпагу из рук и опустилась на колени. Из её глаз потоком хлынули слёзы. Граф, некоторое время молча наблюдал за ней, а затем с мукой в голосе, прошептал:

-Я любил вас больше жизни. Я готов был умереть ради одной вашей улыбки. Вы же...твердили мне о своей любви, но как только я покидал этот дом...оскверняли это святое место. Вы растоптали всё, во что я верил, чему поклонялся. Я не могу вас простить, но и убить не могу. Возьмите столько золота, сколько вам нужно, и прочь отсюда. Прочь в монастырь, к любовнику, куда угодно... - граф повернулся и быстро покинул опочивальню супруги. Агриппа, молча последовал за ним. Как ни странно, он глубоко сочувствовал графине Шеверни. Она оказалась в незавидном положении, когда граф, от начала и до конца, проявил себя человеком чести.

Но что эти слова. По сравнению с теми чувствами, которые испытывал граф. Агриппа, застал его во дворе. Граф, поблагодарил его молчаливым кивком, а затем предложил проводить его к королю. Они уже садились в седло, когда один из слуг окликнул графа.

-Ваша светлость!

Граф обернулся.

-Графиня...она покончила с собой..

-Как? - только и спросил с мрачным видом, граф.

-Заколола себя...шпагой..

Граф, некоторое время молчал, а потом негромко проронил.

-Отвезите тело графини в монастырь. Пусть помолятся за неё и похоронят...с достоинством..

Граф, тронул коня. Они, вместе с Агриппой, выехали из замка и направились, обратно в Нерак. А оттуда, им следовало поехать к королю.

## Глава 10

Чем не мельник, - думал Агриппа приближаясь к королю Наварры. Тот сидел один, на пеньке, возле мельницы. Едва ли не над головой, со скрипом, медленно вращались деревянные лопасти. Вся неприхотливая одежда, включая и весьма невыразительную шляпу, которую он потом снял и отложил в сторону, была выпачкана в муке. Даже на лице, были заметны белые пятна. Король был невысоко роста. А когда сидел, казался ещё ниже. Когда, Агриппа с графом Шеверни, подошли к нему, он занимался тем, что стряхивал муку со своей бороды. И хотя вид у него был вовсе не королевский, в уголках глаз, как всегда, мелькали

весёлые искорки.

-Ваше величество, - оба сняли шляпы и поклонились. Граф Шверни, тут же предусмотрительно удалился на порядочное расстояние. Он понимал, что король захочет поговорить наедине с Агриппой.

-Не стоит соблюдать этикет, друзья мои, - Генрих Наваррский всегда говорил легко, Голос у него был приятный, хотя и несколько хрипловатый. - Берите пример с моих придворных. Как только я приезжаю на мельницу, у всех находятся неотложные дела. Вначале, это обстоятельство меня задевало. Но а потом, я осознал насколько приятна может быть такая работа. Труд мельника, совсем не лёгкий. И одиночество, как нельзя более способствует результату.

-Вам нельзя оставаться одному, - осторожно заметил, Агриппа.

-И почему же? - поинтересовался король.

-Ваше величество, произошло очень много событий. Папа, издал буллу, отлучающую вас от церкви и лишаящую права на трон Франции. Герцог де Гиз, собирает армию. Вы для него самый главный враг. Король Франции, вас объявил врагом. Сюда можно добавить ещё и призыв католической церкви - уничтожать протестантов. А вы, главный из них. Причин слишком много для того чтобы не позволять вам оставаться одному. Слишком многие желают вашей смерти, мой король.

-Ты прав, мой добрый друг, Агриппа, - с печальным видом отвечал король, - все эти кузены, и дяди кардиналы, только и думают, чтобы отнять у меня последний клочок земли. Это одна из причин побудившая меня обучаться ремеслу мельника. Если они позволят оставить мне эту мельницу, я обучусь ещё и ремеслу пекаря. Кто - то же должен кормить любовников моей милой Марго. А их немало.

-Вы шутите...в вашем положение..

-А что не так с моим положением? – удивлённо спросил Генрих Наваррский. – Слава Господу...король Франции, меня ненавидит меньше, нежели короля Испании. Тёща...всё время пытается отравить, супруга изменить, её кузены – убить. Я уж не говорю о Папе. Он, хоть и не доводится мне родственником, однако старается не меньше других. Разве это не повод для веселья, мой добрый Агриппа?

Как ни старался Агриппа, но так и не смог удержаться, и громко расхохотался. Генрих же Наваррский, широко улыбаясь встал с места и похлопав по плечу Агриппу, глубокомысленно обронил:

- На самом деле, я и не собираюсь расставаться с...мельницей. Понимаешь Агриппа, я уже свыкся с мыслью, что она принадлежит мне. Так что придётся поломать голову над тем, как нам её сохранить. Здесь неподалёку есть красивый луг, – Генрих Наваррский, взял Агриппу под руку, – там ты и расскажешь обо всём. Красота цветов немного смягчит горечь от вестей, которые ты привёз. Ибо, как мне видится, ничего хорошего я не услышу. Агриппа, кивнул головой.

-Против нас восстанут все. Герцог де Гиз, оказывает огромное внимание на короля. Что ещё хуже, так это то, что его буквально боготворит весь Париж. К тому же, мне стало известно, что герцог пользуется поддержкой Папы. Я лично наблюдал встречу Гиза с «Чёрным Папой». Иезуиты так же оказывают ему поддержку. В этом не приходится больше сомневаться.

-Подробнее, мой друг Агриппа. Подробнее...  
Беседа продлилась более часа. За это время, они успели обойти весь луг. Агриппа, рассказал всё без утайки. Всё, за исключением...последних событий

связанных с людьми, о которых он не мог и не хотел упоминать. Генрих Наваррский, всё это время очень внимательно слушал. А потом стал задавать вопросы. Он спрашивал обо всём. Особенно его интересовало то, что он видел по пути в Париж и обратно. Агриппа, откровенно рассказал и о ненависти по отношению к протестантам, и о шайках головорезов, которые бродили в поисках добычи. Короля интересовала любая мелочь. И лишь нахмуренные брови показывали, как именно относится он ко всему услышанному. Хотя чего греха таить, здесь в Дофине, дела обстояли не на многим лучше. Уже возвращаясь обратно, он продолжал расспрашивать Агриппу, но уже об эпизоде в монастыре Сен-Виктор. Агриппа видел, что его заинтересовала история о похищении герцогини. Возможно, причиной тому явилась особа королевы – матери. Одного упоминания о ней оказалось достаточно, для того чтобы Генрих Наваррский, пришёл в возбуждённое состояние. Итогом этого разговора, стал другой разговор. Он состоялся с участием графа Шеверни. Генрих Наваррский, коротко осведомился у него, готов ли тот отправиться в небольшое путешествие. В ответ, граф поклонился:

–Я всегда готов служить моему королю!

–А вас не смущает, что итогом этого предприятия может стать...преждевременная смерть. Вы можете умереть раньше положенного срока.

–Я готов, сир! – твёрдо повторил граф.

–С вашего позволения, я тоже поеду, – Агриппа, устремил вопросительный взгляд на короля. Тот, выглядел весьма торжественно в эту минуту. Под стать этой торжественности прозвучал и голос:

–Друг мой, Агриппа...твое предложение весьма любезно и как нельзя более кстати, учитывая, что без тебя

осуществить это предприятие не представляется возможным. Возьмите с собой ещё десять человек, коней, оружия...можете забрать у казначея все мои деньги. У меня всё одно, их осталось совсем немного..

-Это излишне, сир. Я готов взять на себя все возможные расходы.

Генрих Наваррский, с откровенной симпатией посмотрел на графа Шеверни.

-Вы нравитесь мне всё больше и больше. Готовы рисковать своей жизнью, готовы предложить свои деньги, не задаёте вопросов. Я принимаю ваше предложение, граф. И в качестве благодарности, дам вам два добрых совета. Первый – не попадайтесь на глаза моей супруге. Второй – никому больше не предлагайте того, что предложили мне. Ну и последнее. Пока вы будете вызволять герцогиню, я тоже не останусь без дела. Я намереваюсь всё время до вашего возвращения...прилежно играть в карты. Надеюсь, мне удастся выиграть пару эку, чтобы должным образом вознаградить вас за труды. При слове «герцогиню», граф Шеверни бросил удивлённый взгляд в сторону Агриппы. Тот дал понять, что всё расскажет, как только закончится разговор с королём.

Прощаясь, Агриппа не сдержался, и сказал то, что вертелось у него на языке.

-Сир, я столько времени рядом с вами, но так и не смог понять, когда вы говорите серьёзно, а когда... насмехаетесь.

Генрих Наваррский, легко засмеялся.

- Смерть Христова, ... а как ещё разговаривать, когда нет ни золота, ни армии, ни короны. Хотя всё это должно иметь место. Вот потому и приходится разговаривать таким образом, чтобы часть моих слов оставалась загадкой. Умный человек, послушав мои

речи, решит, будто я что-то скрываю. А мне это и надобно...

В то время, когда происходил этот разговор, ни один и ни другой, даже не подозревали, что человек о котором они говорили, находится так близко от них. Но всё обстояло именно так. Генерал Иезуитов, облачённый в простую монашескую рясу, неторопливо проезжал через Нерак. Он ехал в составе небольшого каравана. Вместе с ним ехали ещё несколько монахов, а также торговцы, которых сопровождала не только небольшая охрана, но и слуги. Слуги, большей частью сидели на повозках доверху набитых тюками. Тюки и мешки, были закреплены верёвками и кожаными ремнями. Караван, спокойно миновал Нерак, и двинулся дальше, в сторону Испанской части Наварры.

## Глава 11

Караван, в котором ехал Клаудио Аквавива, генерал ордена Иезуитов, двигался по равнине. Кастилия, встретила караван холодным ветром и толпами изнеможённых людей. В основе своей, это были мавры. Нагрузив свой скудный скарб на повозки, которые они сами и тащили, эти люди медленно брели по дороге, желая уйти как можно дальше от этих страшных мест.

Всё чаще и чаще попадались на пути, виселицы. И почти всегда, грудь повешенных была обнажена. Ибо все путники должны были видеть кровавый знак на груди. Это был чёрный крест. Слева от креста была изображена ветвь, справа меч. С помощью, острой железной печати, инквизиция давала знать,

что повешенный...еретик. Чем ближе становился город Сория, тем больше становилось виселиц. Вскоре, караван достиг города Сория. Город выглядел совершенно пустынным. На улицах почти не было людей. Лишь изредка на пути попадались старики и старухи с вязанкой хвороста за спиной. Слева от города, возвышалась единственная скала на равнине. На вершущке скалы была сооружена мощная крепость. Множество укрепленных башен, образовывали вытянутый круг, немного напоминающий своими формами – судно. Все башни имели четыре угла, и плавно вливались одна в другую, позволяя обитателям замка, с лёгкостью наблюдать за всей равниной. Высокие стены, лишь усиливали грозный вид крепости. Достаточно было бросить лишь один взгляд на крепость, и любая мысль о её захвате... испарялась как летний дождь. Именно к этой крепости и направился караван. У самого подножия скалы, караван остановился. От каравана отделились пять мулов. Они, и продолжили подъём по выбитой в камне дороге. Спустя четверть часа, все пять мулов подъехали к мощным воротам. Одна створка была отворена, потому, они без помех въехали в круглый двор, окружённый со всех сторон каменными постройками и пестрящий множеством лестниц. Ворота, тотчас же закрылись. Во дворе их встретили несколько вооружённых человек в доспехах. Все пятеро сошли с мулов. Четверо отправились в одну сторону, а Аквавива, последовал за одним из стражников. При этом не произносилось ни единого слова. Все знали, что делать и куда идти. Путь Аквавивы, пролегал через многочисленные переходы, коридоры и лестницы, в западную часть замка. Вскоре, он в сопровождение стража, добрался до широкого прохода, представляющий из себя не что иное, как маленький тоннель. Полы и стены этого

сооружения были покрыты мрамором. Иезуит, вслед за стражем, миновал проход и вошёл в огромный зал, украшенный многочисленными скульптурами и статуями. Боле других был заметен Римский стиль. Он также выделялся в убранстве. Прежде всего, бросалось в глаза... высокое кресло. Ножки кресла были изогнуты и покрыты позолотой. Ручки и сиденье – покрыто красным бархатом. Кресло, а скорее трон, ибо он скорее им и являлся, – стоял у противоположной стены. По обе стороны от кресла, возвышались две обнажённые мужские статуи. Прямо в центре зала, имелось необычное сооружение. Четыре плиты из белого мрамора, высотой не более чем в локоть, и длиной, каждый в человеческий рост, образовывали форму приподнятого креста. По две плиты на каждую сторону. Все плиты были уложены под углом. Наружные оконечности плит были приподняты. В каждой верхней части, была сооружена выемка в форме чаши. Внутренние края плит были опущены, и примыкали к чудесному фонтанчику, имеющему форму правильного восьмиугольника. В центре маленького фонтана стояла такая же маленькая статуя девушки с разведёнными по обе стороны руками. Именно из рук и били струи воды. Иными словами говоря, сооружение очень напоминала... цветок, где фонтан являлся источником благоухания, сердцевинкой, а плиты – лепестками. В зале имелись ещё около десятка фонтанов, гораздо больших размеров. Некоторые из фонтанов, было по кругу обложены подушками. А другие – цветниками. И никаких окон. Зал освещался с помощью факелов, которых здесь имелось в большом количестве, как на стенах, так и на светильниках, подвешенных к потолку. И среди всего этого великолепия, прохаживались мужчины и женщины, облачённые в прозрачную тунику. Их было не менее сорока. Все

юного возраста. Волосы, у женщин были аккуратно уложены и покрыты шёлковой накидкой, шею и руки обрамляли драгоценности. Ноги были обуты в мягкие кожаные сандалии разных цветов. Мужчины, выглядели не менее опрятно. Волосы у всех были завиты. Запястья рук украшали красивые браслеты. Все, и мужчины и женщины, разговаривали вполголоса, создавая атмосферу спокойной непринуждённости. Имелось во всём этом великолепии и некоторая странность. У всех на лице отражалось отчётливое беспокойство. И это беспокойство выражалось даже в жестах и походке. Приход Аквавивы, нисколько не изменил обстановки. На него смотрели, но не замечали. Аквавива, выбрал место возле фонтана, и погрузился в раздумья. Однако, долго ждать не пришлось. Вскоре, в зале появилась небольшая процессия. Впереди шёл мужчина лет пятидесяти. Он был облачён в чёрную тунику. Мужчина был невысокого роста. Длинные, чёрные волосы, спускались до самого пояса. Черты лица портил глубокий шрам. Спускаясь со лба, по носу и до самого подбородка, он словно делил лицо на две части. И оттого острый взгляд этого человека, приобретал поистине зловещее выражение. Следом за ним шли два стражника с опущенными вниз мечами. При появлении этого человека, все присутствующие, склонились в поклоне и одновременно произнесли: -Приветствуем тебя, Гета!

Исключение составлял лишь Аквавива. Он даже позы своей не изменил при появлении... Геты, который являлся не кем иным, как главой ордена «Дети Гекатомбы». И, Гета, заметил поведение Аквавивы. Он ничего не сказал. Только слегка задержал на нём свой взгляд. Через мгновение, процессия исчезла в одной из дверей. Два стражника, что сопровождали Гету, встали у двери. Аквавива, направился вслед

за ними. Стражники, без слов пропустили его внутрь. Аквавива, оказался в небольшой комнате. Гета лежал на подушках. Ниже примостилась молодая девушка со смуглой кожей. Когда Аквавива приблизился, она уже массировала ступни Гете.

-Ты недоволен? - Гета указал рукой на место против себя. Голос у него был мягкий, а взгляд выражал доброжелательность. Аквавива, подтянул подол рясы, и опустившись на подушки, устремил вопросительный взгляд на служанку.

-Она глуха от рождения. Когда её привели, я отрезал ей язык. Так что опасаться нечего. Говори свободно.

-Вы обманули меня, - Аквавива смотрел прямо на Гету, выговаривая эти слова. - Я едва не поплатился своей жизнью. Откуда взялись эти люди в белых плащах? Это вы их послали?

Гета, резко помрачнел и пнул служанку ногой. Она опрокинулась на спину. Затем встала на колени и отползла в дальний угол, а Гета, с нескрываемой злостью сказал:

-Опять они. Что произошло?

-Я догадался, что за мной следят и сам устроил западню. Отправил сорок человек. В живых остались только трое. Они рассказали, что им удалось перебить всех, когда появился какой - то отряд и напал на них. Один видел на груди предводителя этих людей - герб в виде...

-Белого Единорога?

-Значит тебе известны эти люди, - Аквавива, нахмурился.

- Мы не ожидали, что они появятся в Париже. Будь они прокляты. Когда же Геката заберёт их мерзкие души, - с бессильной злобой, процедил Гета.

-У вас есть враги, и вы не в силах справиться с ними? - Аквавива, не смог скрыть удивления.

-Не всё так просто, - Гета, поманил пальцем служанку. Она подползла к нему и снова стала массировать ноги. Это действие немного успокоило Гету. Он заговорил с медлительностью, и без прежней злобы. - Это не простые враги. Это те немногие, которых стоит серьёзно опасаться всем нам. Они уже не раз рушили наши планы. Следовало вам сообщить о них раньше, однако, мы предполагали, что они находятся в Италии. Видно, им удалось узнать о наших планах во Франции, поэтому они и появились. Следовательно. Всё сильно осложняется. Мы должны поостеречься. В особенности вы. Если они пытались вас убить, следовательно, им известно, что вы примкнули к нам.

-Кому они служат?

-Самое скверное состоит в том, что...никому. Только своей чести. Как мы сохранили свой орден пронеся его сквозь века, так и они, сохраняли свои порядки. А «Белый Единорог», появился задолго до Рождества Христова. Это был символ одного из римских легионов. Волею, Константина Великого, он превратился в тайный меч. Делая империю христианской, Император опасался, что вера, может быть использована ради утверждения собственного могущества. Легиону, надлежало тайно следить за порядком в империи. Это касалось и власти, и веры. В случае необходимости, они должны были вмешаться, и восстановить порядок. Для осуществления этой цели, им были передано золото и личная печать императора. В один день, пять с половиной тысяч человек приняли Христианство и дали клятву выполнить волю императора. После этого, легион перестал существовать. Остался только «Белый Единорог». Не раз за всё это время, наш орден полагал, что этих людей больше нет. И всякий раз, платился за легкомыслие серьёзными потерями. Они

появлялись ниоткуда, наносили удары и снова исчезали. Сейчас нам доподлинно известно, что они охотятся за нами. И не только. Они хотят утвердить веру, но без церкви. Они знают, что это им не под силу, но сдаваться не желают. Наши братья и сёстры, ищут их везде. Мы не жалеем золота, но все наши усилия не привели к должным результатам. Нам лишь известно, что их осталось не более пятисот. Несколько лет назад, они скрывались в Неаполе, затем их след обнаружили в Клевах. Затем, они объявились во Франции. Именно там, мы встретились лицом к лицу с ними. К тому времени, мы приготовили несколько ловушек, и нам удалось их основательно потрепать. Но, они утащили эту дьяволицу перед самым нашим носом. Мы больше месяца шли за ними по следам, но потом они исчезли. На том след и оборвался. Мы полагали, что они снова ушли. И сейчас, я узнаю, что они вновь объявились в Париже. Мы отправим туда наших людей. Попросим помочь наших друзей. Возможно, на этот раз удастся с ними покончить.

Аквавива, внимательно выслушал Гету, а затем спокойно произнёс:

-Следовало рассказать мне об этих людях раньше. Возможно, я бы сумел помочь. Хотя и сейчас не поздно. Думаю, общими усилиями и с Божьей помощью, мы справимся с ними.

-Мне безразлично с чьей помощью, лишь бы отправить их всех в ад.

-На этом и закончим с Единорогом. Меня интересует ещё один вопрос. Как насчёт обещанного золота? Я получу его?

-Женщина мертва?

-Нет, - вынужден был ответить Аквавива, - но герцог де Гиз, обещал захватить её и передать мне. Только в этом случае, я поддержу его. Без моей

поддержки, ему не видать трона. И он это знает.

-Вы получите золото. В обмен, вы просто скажете мне, где её можно найти. Мы не станем ждать действий герцога де Гиза, а сами всё сделаем.

-Вам не удастся. Она находится у королевы, в замке Шенонсо.

-Неважно, где она находится, - с глубоко мрачным лицом, ответил Гета, - эта женщина должна быть умерщвлена, ибо для нас она одна гораздо опаснее, нежели все остальные враги вместе взятые.

Аквавива, ничего не ответил, но запомнил эти слова. Он поднялся с места, давая понять, что ему пора уезжать.

-И вы не останетесь с нами? - с непонятной усмешкой, спросил у него, Гета.

- Я слуга Божий, - коротко ответил Аквавива, отлично понимая, что именно стоит за этим приглашением.

-Что ж, золото вам погрузят. Оно в замке. Вы получите нашу признательность, и вдове больше золота, если поможете уничтожить «Единорога». А о женщине...больше не беспокойтесь. Мы сами всё сделаем.

Аквавива, лишь кивнул в ответ и вышел.

## Глава 12

Как только Аквавива, покинул зал, в него вошли музыканты. Расположившись, недалеко от трона, они заиграли нежную мелодию. Как только прозвучали первые звуки мелодии, освещение в зале стало слабее, а вскоре, он и вовсе погрузился в полумрак. Из прохода стали появляться, люди в монашеских одеяниях. В левой руке, они держали зажжённую свечу, в правой - кинжал. Каждый

последующий был в точности похож на предыдущего. В общей сложности, вошло не менее ста человек. Как только, вся процессия оказалась внутри зала, музыка смолкла. Появился Гета. В сопровождении двух вооружённых стражников, он прошёл к трону. Едва он сел на трон, как в зале появились двое полуобнажённых мавров. Каждый из них нёс поднос, уставленный хрустальными бокалами с красноватой жидкостью. В зале раздался голос Геты, наполненный нежностью:

-Пришёл час вашего величия, дети мои!

Мавры, стали разносить напитки всем гостям в белых туниках. Одновременно с этим, вновь зазвучала музыка, а прибывшая процессия монахов, стала медленно приближаться к плитам. Каждый из мавров останавливался возле одного из гостей. И отходил лишь тогда, когда уже пустой бокал возвращался на поднос. О каждом выпитом бокале возвещал лёгкий звон. На мизинце у мавров висел колокольчик. Они трясли им всякий раз, когда принимали пустой бокал. И всегда, этот бокал... дрожал. Никто из гостей не мог унять дрожь. Лица у них у всех, выражали дикий ужас, но, тем не менее, они не произносили ни слова. Безропотно брали и безропотно пили. Это действие продолжалось довольно долго. Вплоть до той поры, пока мавры не покинули зал с подносами полными пустых бокалов. Они ушли и музыка смолкла. Воцарилась полная тишина. Минуты текли одна за другой...и вдруг... раздался грохот падающего тела. Тут же, два стража Геты, ринулись в стороны гостей, и подняв девушку, понесли в сторону мраморных плит. Через минуту, они уложили её на одной из плит. У девушки были широко открыты глаза. И они выражали полное... равнодушие. Следом раздалось ещё три глухих удара. Один за другим, три юноши, без сил свалились на

пол. С ним проделали то же самое, что и с девушкой. В итоге, все четыре плиты оказались занятыми. На трёх лежали юноши, на четвёртой – девушка. При этом, все головы, легли точно в выемку.

По знаку Геты, из толпы монахов, отделились восемь человек. Они, вошли в центр сооружения, и преклонив колени, установили свечи вокруг восьмиугольник, по самому краю фонтана. Статуя, посредине фонтана, низвергавшая воду, приняла черновато – жёлтый оттенок. Она больше не казалась такой прекрасной как прежде. Сейчас в ней проглядывалось нечто...мрачное.

Сразу после этого действие, монахи, разбились на четыре пары. Каждая – заняла место возле одной плиты. Снова возникла тишина. Лёгкий кивок Геты, и восемь монахов принялись за дело. Два кинжала вначале обрушились на одежду девушки. В мгновение ока, её распорол и сняли её, оставив обнажённой. Следом, то же самое проделали с юношами. Всех четверых полностью обнажили. Вслед за этим, все оставшиеся монахи, начали движение вокруг...плит. При этом. С их губ срывался шёпот на непонятном языке. Шёпот, то становился, едва слышен, то взлетал высоко, наполняя всё вокруг таинственностью и...мраком. В такт этому ужасающему шептанию, четверо из восьми монахов, опустились на колени с кинжалами в руках. Каждый кинжал завис в воздухе, а затем опустился на грудь. Все четыре жертвы, одновременно дёрнулись, но не издали ни звука, когда...кинжалы, стали вырезать буквы у них груди. После каждого надреза, появлялась струйка крови. Один надрез следовал за другим. Тела жертв постоянно содрогались, но взгляд выражал ту же бессмысленность и равнодушие. Муки жертв продолжалось до той поры, пока у всех на груди не

появились кровавые буквы на латыни. Процессия остановилась. Четыре монаха, вырезавшие буквы, поднялись с колен. Все, как один смотрели на надписи. У всех четверых, были вырезано по два слова. У девушки, кровавые буквы сложились в надпись «Чаша императора». У первого юноши, в надпись: «Генрих Валуа». У второго в надпись: «Генрих Наваррский». У третьего, в надпись: «Герцог Де Гиз».

Четверо монахов вырезавшие буквы на груди.. отступили. Остались лишь другие четыре, что стояли у изголовья жертв. В полной тишине, они опустились на колени, и взяли своих жертв за волосы. Ещё мгновение, и кинжалы с силой воткнулись в шею. Раздалось бульканье. Тела начали биться в судорогах. Из раны..забила струя крови. Кровь стала быстро заполнять выемку.

В это время, Гета, сошёл с трона и подошёл к группе людей с туниками. Сбившись в кучу, все они дрожали. Лица у всех были совершенно белыми. Глаза выражали дикий, необузданный ужас.

-Такова и ваша участь, - с откровенным наслаждением наблюдая за всеми ними, изрёк Гета.- Здесь - вы агнцы, а агнцы - ваши судьи. Впустить агнцев, - вскричал Гета.

Когда в зале раздалось громкое «блеяние» и появилось несколько десятков ягнят, головы всех четырёх жертв, мерно покачивались в собственной крови. Выемки было до краёв наполнены кровью. Отдельные струйки, струились по телам и плитам, вниз...к догорающим свечам. За всё время, Гета, впервые подошёл к жертвеннику. Он с неослабным вниманием наблюдал за поведением ягнят. Некоторое время, они, метались из стороны в сторону. Затем, один из ягнят подошёл к выемке и стал жадно пить кровь. Вскоре, к нему присоединились ещё два

ягнёнка. Гета, устремил взгляд на кровавую надпись изображённую на груди жертвы, кровь которого пили ягнята. Она гласила «Герцог де Гиз».

-Он умрёт первым, - пробормотал Гета, продолжая наблюдать за ягнятами. Спустя некоторое время и кровь второй жертвы привлекла внимание ягнят. Это был ещё один юноша. На сей раз с надписью «Генрих Валуа».

-Следом умрёт король, - пробормотал Гета, продолжая внимательно наблюдать. Долгое время ничего не происходило. Но потом, один ягнёнок, словно насытившись, отошёл от жертвы с надписью «Генрих Валуа», и жадно припал к другой, с надписью «Генрих Наваррский».

-Третьим умрёт, Генрих Наваррский, - пробормотал Гета, - его поразит та же рука, что и короля Франции.

Оставалась нетронутой лишь выемка с кровью девушки. Наблюдая за тем, с какой осторожностью все ягнята обходят её выемку, Гета, мрачнел всё больше и больше. С его уст раздался едва слышный шёпот.

-Если она не погибнет, мы все умрём! Ну же...дети мои...смелее...она должна умереть...должна, Но ягнята упорно не желали приближаться к девушке. По знаку Геты, монахи снова начали кружить вокруг алтаря, и снова стал раздаваться шёпот. И тут, словно испугавшись этих звуков, ...ягнята бросились к желанной выемке и разом стали пить кровь. Они пили так, словно их не поили много дней. Ягнята пили долго, а потом словно не желая расставаться, с огромной неохотой, разбрелись по всему залу. Гета подошёл к девушке. В глаза бросился неподвижный взгляд и...пустая выемка. Крови не было вообще.

-Геката, благословляет нас, - ликуя воскликнул, Гета. - Предсказание не свершится. Род

Константина погибнет. Ты меня слышишь, великий император, – Гета, с искажённым лицом наклонился к жертве, – не ты нас уничтожил, а мы тебя низвергли...

Струя крови...хлынула из раны, прямо на лицо Геты. Девушка, несколько раз дёрнулась и затихла. Теперь уже навсегда.

Гета, издал яростный вопль .

– Скорее, во Францию В Шенонсо. Возьмите всё...всё... яд, кинжал, золото...найдите и разбейте чашу, ибо она снова готова наполниться...

## Глава 13

–Герцогиня, очнитесь...герцогиня, вы слышите меня? Густые облака, понемногу расступались. Туман... рассеивался. Показалось лицо женщины...напоминавшее, надутую лягушку. Но, почему...лягушку? Она даже немного мила...преклонного возраста, и кажется чем – то обеспокоена...где я её могла видеть прежде?

–Герцогиня...

Изабель, издала глубокий вздох, и широко открыла глаза. Туман, полностью исчез., но голова всё ещё кружилась. Понадобилось ещё некоторое время, прежде чем, она смогла прийти в себя настолько, чтобы вымолвить с глубокой горечью:

–Так я...не умерла?

–Нет. У вас отменное здоровье, миледи. И это обстоятельство не может не радовать.

–Кто вы?

–Екатерина Медичи! Тебе знакомо это имя?

Услышав эти слова, Изабель, невольно сжалась, и натянула одеяло до самого подбородка, едва ли не с ужасом глядя на женщину, которая сверлила её жёстким взглядом.

-Вижу, что знакомо, - холодно произнесла королева -мать, - сейчас тебе принесут платье и драгоценности. Я так же пришлю двух горничных. Они, позаботятся о том, чтобы ты выглядела надлежащим образом. Сегодня состоится торжество в честь окончания королевского поста. Вечером приедет мой сын, король Франции. К его приезду ты должна быть готова. Если сумеешь покорить короля, твоя дальнейшая судьба будет обеспечена. Ты, официально войдёшь во владение наследством. К тому времени, я лично подыщу для тебя подходящего супруга.

-Супруга? - Изабель, вздрогнула. - Нет, я не могу... не могу...

-И почему же? - с холодной яростью, осведомилась королева.

Изабель пугал этот взгляд, как внушала неподотчётный страх и сама королева, но и молчать она не могла.

-Я помолвлена...

-Ах, да, - протянула королева, окидывая Изабель презрительным взглядом, - я слышала...кажется его звали...Ренар Шатобриан. Забудьте, миледи. И постарайтесь впредь не произносить слова подобные «не могу» или «не хочу». Я не привыкла слышать такие слова, и будет лучше, если вы сразу усвоите эту истину, - в голосе королевы послышалась отчётливая угроза. -К счастью или несчастью, вы нужны мне. Когда вы исполните всё, что от вас требуется, я отпущу вас. Надеюсь вы всё поняли, миледи?

-Могу я...исповедаться...ваше величество? - вместо ответа, тихо спросила, Изабель.

-Вас отведут к священнику, как только вы будете готовы. Это всё?

-Я хотела...я хотела узнать...что стало с тем

человеком, который...

-Ваш любовник? Слуги короля его убили. И достаточно вопросов, миледи. Я навещу вас позже. К моему приходу, вы должны быть по меньшей мере, одеты.

Как только дверь за королевой захлопнулась, Изабель, с глубокой горечью, прошептала:

-Он был мне братом...отцом...несчастный Сервистер...стоило ли меня спасать? Моя жизнь хуже смерти. Повсюду мрак...только мрак..

-Миледи!

В спальню вошли две горничные. Чуть позже в опочивальню внесли деревянную бадью. Её быстро наполнили горячей водой. Комната наполнилась паром. С помощью горничных, Изабель, перебралась из постели в бадью. Она всё ещё чувствовала слабость, но не понимала причину этой слабости. Да и тело всё ещё плохо слушалось. Горячая вода, принесла некоторое облегчение. Она почувствовала себя бодрее, как только горничные начали её мыть. В течение следующих трёх часов, её искупали, намастили тело, расчесали и уложили длинные волосы, а затем облачили в платье. Когда королева вернулась, горничные нанизывали жемчужины на волосы Изабель. Королева, весьма придирчиво осмотрела её со всех сторон. Под конец осмотра, она даже улыбнулась Изабель. Затем сказала, чтобы она не выходила из комнаты без накидки. И добавила, что за дверью её ждёт стражник. Он будет повсюду следовать за ней в случае, если она решит прогуляться по замку. В часовню же, она может идти прямо сейчас. Как только королева во второй раз покинула опочивальню, Изабель послушно накинула на голову накидку, и вышла вслед за ней. Как и говорила королева, снаружи её встретил стражник. При виде Изабель, у него на лице появилось

глубокое изумление. Правда он тут же принял бесстрастный вид, и поклонился ей.

-Я хотела бы исповедаться, - негромко произнесла Изабель обращаясь к своему стражу. То снова поклонился.

-Вас уже ждут, миледи. Следуйте за мной!

Во всём замке царил переполох. Все слуги куда-то торопились. То и дело возникали препятствия, в виде нагромождённой мебели, или служанок с огромном ворохом белья. Но Изабель, была погружена в свои мысли и ничего вокруг не замечала. Она лишь молча следовала туда, куда её вели. А вот и часовня. Пропустив её внутрь, стражник остался возле двери дожидаться её возвращения.

Изабель, прошла в исповедальню. Не успела она опуститься на скамью, как справа прозвучал мягкий голос священника:

-Что тебя привело, дитя моё?

- Я всё время думаю о...смерти. Это ведь грех, святой отец ? - Изабель говорила тихо, но в голосе отчётливо слышались душевные муки и...боль.

-Конечно, дитя моё. Господь дал нам жизнь, и лишь ему одному решать когда забрать её обратно. Но почему ты думаешь о смерти, дитя моё? Судя по голосу, ты ещё слишком юна для подобных мыслей. Сколько тебе лет?

-Девятнадцать, святой отец. А мысли о смерти преследует меня лишь последний год. Прежде я была счастлива. Очень счастлива. Я любила жизнь и всё, что меня окружало.

-Расскажи всё, дитя моё. Облегчи душу перед Господом.

Вслед за судорожным вздохом раздался прерывистый голос.

-Я росла окружённая любовью. Мой отец, герцог Д,Эгийон, был очень добр ко мне. Матушка же, души

во мне не чаяла. У меня был старший брат, которого я любила, и который любил меня. Когда мне исполнилось пятнадцать, появился ещё один человек, к которому я сильно привязалась. Он был нем от рождения, но я его хорошо понимала. Этот человек... умер, защищая меня. Он не раз спасал меня, когда другой... которого я полюбила всей душой, тот... которому я отдала своё сердце, без остатка... бросил меня, оставил одну... умирать, - Изабель, старался сдержать свои чувства, но слёзы, помимо воли, вырывались наружу. Услышав судорожные рыдания, священник, с глубоким участием сказал ей.

- Не сдерживай слёзы, дитя моё. Каждая из слезинок несёт в себе твои страдания...

- Его звали, Ренар Шатобриан, - Изабель, сумела справиться со слезами, но не с дрожью в голосе, - Я впервые увидела его, когда мне исполнилось 17 лет. Он доводился нам родственником и приехал погостить. Я влюбилась в него, как только увидела. Позже я во всём призналась матушке. Она рассказала отцу. Препятствий для брака не имелось, потому, уже через месяц мы были помолвлены. Тогда мне казалось, что он необыкновенный. Он не был похож на других. Он превосходил всех молодых людей, с которыми я была знакома. И не только красотой и статностью, но и глубоким умом. Засыпая вечером, я мечтала лишь о том, чтобы увидеть его поутру, услышать его голос. И это продолжалось вплоть до той ночи, когда... была убита вся моя семья. Я гостила у тётушки, а когда вернулась... весь замок, был полон мёртвыми телами. Остался в живых только, Сервитер, И только потому, что сопровождал меня в поездке к тётушке. С той поры, я не знала ни одного спокойного дня. Меня много раз пытались убить, но каждый раз, мой отважный Сервитер, становился на пути у убийц. Он спасал меня... мою

жизнь...

-А что же, твой жених? – после короткого молчания, тихо спросил священник.

- Когда ему стало известно обо всём, он...отказался от меня. Когда Сервитер сообщил мне об этом... я не поверила. Презирая опасности, я отправилась к нему домой, но...слуга сказал, что...ему не велено пускать меня и передал письмо, – возникло молчание, которое прерывалось лишь судорожными вздохами, затем послышался голос полный глубокого отчаяния, – это письмо причинило мне не меньшую боль, чем смерть моей семьи. Он сообщал, что отказывается от меня, и ...считает нашу помолвку...разорванной. Я год провела в аббатстве. И весь этот год, каждый день, я задавала Господу, один и тот же вопрос... В чём моя вина? Но он не желал меня слышать. Тогда я просила забрать у меня жизнь. Она мне не нужна больше. Не нужна...она состоит только из боли и страданий...

-Тебе тяжело, дитя моё. Но, отчаиваться не стоит. Господь милостив. Он всегда оставляет надежду страждущим.

-У меня не осталось, ничего. Даже надежды, – прошептала Изабель...

Священник, покинул исповедальню. С глубочайшим участием он смотрел вслед девушки, которая... вскоре исчезла за дверью.

## Глава 14

В то время, когда Изабель покидала часовню, недалеко от замка, в густых зарослях деревьев, происходил очень интересный разговор. Агриппа, с графом Шеверни, затаившись за деревьями, уже больше двух часов наблюдали за замком. И итоги

этого наблюдения вылились в короткой беседе.

-Ворота замка отворены настезь. Неспроста это, клянусь священной Буллой Папы...- тихо говорил Агриппа. На что, граф Шеверни заметил, что такое действие ровном счётом ничего не значит.

-Наверняка ловушка, - не успокаивался Агриппа, - нарочно оставили открытыми ворота. Не иначе, как прознали о наших планах и готовятся к встрече.

-Откуда они могли узнать?

-А откуда они узнают наши тайны? Везде шныряют соглядатаи королевы. Они, всё и докладывают.

-Полагаю, вы слишком преувеличиваете опасность, - возразил, граф Шеверни, - открытые ворота ещё ничего не значат. Потом, обитатели замка взбудоражены. Слишком много всяких перемещений. Возможно, они просто готовятся к некому торжеству.

-С чего им радоваться? Король, с утра до вечера молится. Гиз, сидит в Париже, и ведёт себя так, словно король не молится, а уже умер.

-Не знаю, не знаю...нам просто следует войти в замок и убедиться в том, что герцогиня на самом деле находится там.

Агриппа, было расхохотался, но тут же захлопнул свой рот. И причиной тому, был вовсе не угрожающий взгляд графа Шеверни. Он просто опасался, что их обнаружат.

-И каким образом вы собираетесь войти в замок? - поинтересовался Агриппа у графа Шеверни.

- Через ворота, - последовал ответ. - Я, в отличие от вас, католик. К тому же, её величество благоволило к моей матушке. Не будет ничего странного в том, что я заеду засвидетельствовать своё почтение королеве.

-Хорошо. А как я туда войду?

-Вы сойдёте за моего друга!

-Ещё лучше. А как пройдут остальные восемь

человек? Те самые, что остались нас дожидаться в деревне? Может вы позабыли о своих спутниках, но я...нет.

-Сударь, вы слишком...настойчивы. Я не в состоянии ответить на все ваши вопросы. И уж тем более, не имею понятия о том, как именно следует действовать. Я предлагаю войти в замок и осмотреться. А там, будет видно. По меньшей мере, у нас появится возможность осмотреться и найти герцогиню. А уж после, мы можем вернуться и осуществить наше предприятие.

-Мудрые слова, - не мог не признать, Агриппа. - Так вы полагаете, я смогу сойти за католика?

-Вы полагаете, в замке найдутся люди, которые потребуют доказательства вашей принадлежности к католикам?

-Ваша правда, сударь. Так и быть. Я принимаю ваше предложение. Надеюсь, оно на деле окажется столь же привлекательным, как и на словах. - Агриппа, было поднялся, но услышав голос графа, присел и затаился

-Не сейчас, - прошептал граф, указывая рукой влево от замка. Оттуда, быстро приближалась кавалькада всадников. Их было не менее двух десятков. В руках у многих развевались знамёна. Очень скоро, оба смогли различить герб на знамёнах - «Золотое поле с тремя орлами».

- Помяни его святейшество Папу, и узрешь... католическую лигу, - пробормотал под нос Агриппа.

-Это, Гизы, - так же тихо произнёс граф Шеверни наблюдая за движением всадников. -Я вижу предводителя...похоже, это сам герцог Де Гиз, собственной персоной. Как мне видится, наше положение несколько осложняется.

-Соглашусь, если только его не привела сюда та же причина, что и нас. В противном случае, дело не

просто осложняется, но и начинает скверно пахнуть.

-Тем лучше, - прошептал, граф Шеверни, вызвав тем самым удивлённый взгляд Агриппы. Агриппе не достало много времени для того чтобы понять смысл этих странных слов. По всей видимости, граф, всё ещё не мог оправиться после измены и смерти супруги. Вслух, Агриппа ничего не сказал, но пообещал себе, что не даст графу совершить глупость.

-Что будем делать? - граф Шеверни, устремил вопросительный взгляд на Агриппу. Тот пожал плечами.

- А что ещё остаётся делать? Пойдём и поищем герцогиню Д,Эгийон. А заодно и выразим своё почтение главе католической лиге.

- А что по поводу его величества? Нет желания выразить и ему свой почтение?

- Никакого. Пусть себе молиться. Что ни говори, это дело святое.

-В таком случае, придётся остаться.

Агриппа, с некоторым удивлением проследил за направлением его руки. Она снова указывала налево. На дороге, где немного ранее, они заметили кавалькаду всадников, появилась вереница карет сопровождаемая королевскими гвардейцами. Следом за каретами, появились всадники. А позади всадников - повозки. Не приходилось сомневаться в том, кому именно принадлежит эта огромная свита.

-Да, - протянул Агриппа, - чёрт нас дёрнул приехать в такое время. Похоже, вы были правы, сударь. У них действительно ...торжество. Я уж и думать не хочу о том, что его величество могла привести в Шенонсо, та же причина, что и нас, и герцога де Гиза. В противном случае, нам пришлось бы немедленно возвратиться в Нерак.

- Я собираюсь пойти до конца. А вы, сударь, вправе поступать по своему усмотрению.

-Легко сказать...король знает меня в лицо. И если увидит, может задать очень неприятный вопрос, на который у меня не найдётся ответа. Чем это может закончиться...понятно и полному болвану. Но я всё же рискну, и пойду с вами.

-Дождёмся, пока суматоха от приезда короля успокоится и только потом пойдём, - Граф Шеверни взглядом показал, что одобряет решение Агриппы.

-Ну уж здесь, мой храбрый друг, я с вами расхожусь во мнениях, - возразил Агриппа, - по мне, так нам самое место в конце королевского кортежа. Там столько всяких придворных, что сам чёрт не разберётся. Куду уж замковой страже понять...

-Отличная мысль, - граф Шеверни, поднялся. Оба, пригибаясь, побежали к лошадям, что были привязаны неподалёку. Вскочив в сёдла, они сделали небольшой круг, и появились позади повозок. Стараясь не привлекать к себе внимания, они неторопливо объехали повозки и смешались с маленьким отрядом придворных. Спустя ещё четверть часа, они въехали вместе с остальными во двор замка. Оба стали свидетелями трогательной встречи сына, с матерью. Пока королева-мать встречала короля, пока свита короля наперебой выказывала почтение королеве - матери, пока придворные дамы не без помощи кавалеров, вытаскивали из карет свои пышные платья вместе с собою, Агриппа и граф Шеверни, приступили к празднования события о котором не имели ни малейшего понятия. Да и к чему знать причину, когда можно спокойно налить в кубок вина, отведать жаренной оленины прямо с вертела, и поразмыслить о значении некоторых титулов.

## Глава 15

Почти весь второй этаж замка занимал зал торжеств. К вечеру, он уже был полностью переполнен. Столы ломились от яств и вин. Боле всех, усердствовал его величество, король Франции. Он восседал в центре, и подавал пример всем завидным аппетитом. Часть гостей удостоилась сидеть рядом с королём. Остальным же, приходилось довольствоваться тем, что подносили слуги. Но тем не менее, все выглядели радостными. Причиной и на сей раз явился его величество. Он часто и много смеялся. Любезничал с матерью, и даже собственноручно наливал ей вина. Не мене любезен был король и с герцогом де Гиз. Тот сидел слева от короля и улыбался ему с такой приветливостью, словно не пытался все последние годы сбросить его с места, а наоборот, всячески поддерживал трон Валуа. Подражая своим хозяев, точно так же вели себя окружение герцога де Гиза и короля. Они, кланялись, разговаривали с почтительностью, и вели себя совершенно пристойно, хотя наверняка предпочли бы иные беседы и не в столь шумном месте.

Праздничный ужин сменился танцами. Дамы, вздохнули с облегчением. Наконец – то, у них появилась возможность показать свои роскошные платья и новые драгоценности. Ибо нет лучшего способа показать свои лучшие стороны, как кружась в танце и «ненароком» ошибаясь или задерживая тот или иной жест. Танцы были в самом разгаре, когда в зал незаметно вошли, Агриппа и граф Шверни. Им

понадобилось не больше минуты чтобы осмотреть всё. Более всех выделялся король в своём золочённом костюме. Большая жемчужина висела на правом ухе короля. Она бросалась в глаза, лишь когда король совершал очередной пируэт. Король был добр в этот вечер, и приглашал на танец разных дам. Он не желал отдавать предпочтение кому – либо одной. И все это видели. В особенности, Екатерина Медичи, которая очень внимательно следила за своим сыном. Агриппа и граф де Шеверни, остановились недалеко от стены, где было не так светло. Агриппа, тут же услышал шёпот у своего уха.

-Ты видишь герцогиню?

-Может и вижу. Наверняка не скажу. До сего дня я ни разу её не видел и понятия не имею как она выглядит.

-Час от часу не легче, – пробормотал, граф Шеверни, – расходимся в разные стороны. Надо отыскать герцогиню. Встретимся на выходе из замка. Агриппа, едва заметно кивнул. А затем повернулся, и быстро зашагал прочь. Граф же остался на месте и продолжал наблюдать. Он настолько погрузился в мысли, наблюдая за танцующими, что не сразу расслышал женский голос рядом с собой. И лишь когда он повторился, граф обернулся. На лице у него появилось удивление. Перед ним стояла молодая женщина. Она обладала смуглой кожей и множеством драгоценностей. И ко всему прочему, была хороша собой.

-Граф Шеверни к вашим услугам, сударыня! – граф поклонился, понимая, что незнакомая женщина обращалась именно к нему.

-Лючия Д, Амалиани, графиня Де Метсо. Я спросила о вашей грусти, сударь.

-Что, простите, – растерялся граф Шеверни.

-У вас очень грустное лицо. А глаза полны печали.

Вот я и решила узнать причину вашей грусти. Не следовало этого делать? – в словах графини чувствовалось одновременно и извинения, и...лёгкий вызов.

–Ничего такого, сударыня. Вам показалось. Я попросту задумался.

–А если б я сейчас призналась в том, что вы мне понравились? – Теперь уже с открытым вызовом спросила графиня Де Метсо.

– Я бы восхитился подобной смелостью, но посоветовал бы вам обратить ваше внимание на другого, – откровенно ответил, граф Шеверни. Графиня Метсо вздохнула и бросив на него непонятный взгляд, негромко произнесла:

–Я так и думала. Причина вашей грусти – женщина. Вас отвергли? Предали?

–Мне бы не хотелось продолжать этот разговор, – выговаривая эти слова, граф Шеверни поклонился графине, тем самым давая понять, что считает беседу завершённой.

–Я пробуду в Париже ещё несколько месяцев, а потом уеду домой, в Италию. Если вы пожелаете...меня увидеть, я буду...очень рада встрече. Прощайте. Глядя ей вслед, граф Шеверни почувствовал угрызения совести. Он слишком грубо обошёлся с графиней, а ведь она просто хотела его приободрить. Мысли о графине на некоторое время отвлекли его от всего остального. Тем временем, никто не придал значение появлению новым гостям. Их приход остался незамеченным. Пять человек, облачённые в дорогие одежды, войдя в зал, быстро разбрелись по залу. Один из них держал в руках, розу. Выглядело странным не само появление, а поведение этих людей. Они медленно двигались позади танцующих пар и очень пристально

рассматривали всех женщин. По сути занимались тем же, чем занимался и Агриппа. Агриппу, так и подмывало остановиться и задать вопрос, наподобие: «Не видели ли вы, герцогиню Д,Эгийон». И он так бы и поступил в конечном счёте, если бы, в этот миг, музыка не смолкла и не раздались громкие слова: -Герцогиня Д,Эгийон!

-Слава Папе, - пробормотал Агриппа, и вслед за остальными устремил взгляд на дверь, откуда вскоре и появилась молодая особа в розовом платье. - Проклятье, - вырвалось у Агриппы, который во все глаза наблюдал за приближением герцогини, - теперь понятно почему все за ней охотятся. Она красива как сто ангелов вместе взятых.

Герцогиня, на виду у всех, вначале подошла к королю, а затем и склонилась перед ним в глубоком реверансе. Король, некоторое время созерцал блеск жемчужин, которыми были украшены волосы герцогини, а затем, с откровенной радостью протянул руку и мягко произнёс:

-Встаньте герцогиня!

Когда, она выпрямилась с уст короля сорвались восторженные слова.

-Вы прекрасны, миледи. Позвольте ли вы поухаживать за вами этим вечером? - выговаривая эти слова, король подал ей руку, которая была безмолвно принята.

Екатерина Медичи, торжествовала. Она видела, что король очарован герцогиней. Впрочем, от неё не укрылся и жадный взгляд герцога Де Гиза. Без сомнения, герцогине удалось полностью овладеть вниманием гостей, хотя и выглядела она излишне бледной.

Агриппа, не спускал глаз с герцогини. Он видел, что король с ней беседует и ждал мгновения, когда она останется наедине. У него в голове возникла

безумная мысль. Он собирался поговорить с ней. Он много знал о людях, которые ей помогали. Используя это обстоятельство можно было осуществить предприятие ради которого они сюда и прибыли. Сейчас, когда он увидел её, он собирался во что бы то ни стало, спасти её от мести герцога Де Гиза. Граф Шеверни, также был занят наблюдением за герцогиней, однако его насторожил шорох. Вернее, это был приглушённый крик. Он резко обернулся, и увидел, как одному человеку зажали рот и быстро втащили в какую-то дверь. Граф, не раздумывая, бросился вслед за ними. Когда, он вбежал внутрь, перед ним предстало ужасное зрелище. В шею несчастного торчала рукоятка кинжала. Убийца тащил мёртвое тело в угол комнаты, видимо надеясь там спрятать.

-Убийца, - вскричал граф, выхватывая шпагу, - повернись, иначе мне придётся поразить тебя в спину.

Убийца, быстро опустил тело и выхватив шпагу обернулся. В этот миг, граф Шеверни обрушил на него яростную атаку. Раздался звон падающей шпаги, а вслед за ним острое упёрлось ему в горло, и раздался тихий голос:

-Не иди за мной, иначе ты умрёшь!

Убийца спрятал шпагу и быстро покинул комнату, оставив графа Шеверни в глубочайшем смятении.

-Что это было? Как такое могло получиться? - бормотал он, поднимая шпагу. - Как он это сделал? Чёрт, у меня такое чувство, что это не я учился у лучших фехтовальщиков, а кто-то другой.

Бросив взгляд на мёртвое тело, он покинул комнату. Оказавшись в зале, граф, первым делом огляделся по сторонам. Но убийца испарился. В этот миг, музыка смолкла. Все услышали, как король громко произнёс, обращаясь к герцогине Д, Эгийон.

-Я ненадолго оставлю вас, мне необходимо переговорить с матушкой. Только никуда не уходите, миледи, ибо я скоро вернусь и вы подарите мне ещё один танец.

Король ушёл. Герцогиня Д,Эгийон, осталась на какое-то время стоять одна в центре зала. В этот миг, никто не заметил, как один из прибывших гостей, худощавый мужчина с вытянутым лицом, вытащил маленький пузырёк из кармана, и незаметно вылил его содержимое на цветок розы, которую он держал в другой руке. Следом за этим действием, он протолкнулся вперёд, и с криком:

-Самой прекрасной женщине, самый красивый цветок, - бросился на колени перед герцогиней Д,Эгийон, одной рукой протягивая ей розу. Увидев, что король улыбается, наблюдая за этой сценой, все вокруг стали аплодировать этому поступку. И герцогине, ничего не оставалось, как принять цветок. Она протянула руку, желая его взять, но...раздался лёгкий свист и срезанная роза упала на мраморный пол.

-А, вот и проклятый убийца, - пробормотал Шеверни, наблюдая за тем, как тот спокойно вкладывает шпагу в ножны. Человек, желавший подать розу, незаметно скрылся в толпе придворных. Все вокруг сохраняли гробовое молчание, ибо поступок выглядел более чем вызывающим. Король выглядел хмурым, а сама герцогиня...покрылась мертвенной бледностью. Она, не мигая смотрела на человека, который срезал розу своей шпагой. Тем временем, раздался мрачный голос, короля Франции:

-Что вы себе позволяете, сударь. И кто вы такой? Я никогда прежде вас не видел.

-Мой имя, Шатобриан, государь, - молодой человек поклонился, а затем с удивительным спокойствием, продолжил, - Я прибыл сюда за своей невестой. С

вашего позволения, я более не буду вас тревожить. Я благодарю вас за радушный приём, оказанный моей невесте, и...забираю её с собой.

Сразу после этих слов, весь зал разразился единым вздохом, ибо молодой человек...подхватил герцогиню Д,Эгийон под руку и повёл к выходу. Через мгновение, оба исчезли в проходе. Король выглядел совершенно растерянным. Герцог де Гиз, едва сдерживался, надеясь, что король примет меры. При любом стечении обстоятельств, он не мог позволить им покинуть замок. Королева – мать, столь выразительно смотрела на короля, что он не мог не понять этого взгляда.

Едва, они вышли из зала, как Изабель прошептала с глубочайшим изумлением:

-Ты...здесь?

-Молчи и повинуйся каждому моему слову, – раздался в ответ тихий голос, – рядом с нами десятки убийц. Каждый из них в любое мгновение может нанести смертельный удар. Снаружи их, в десятки раз больше, – разговаривая, он вёл её к лестнице, – чтобы ни случилось, держись рядом со мной, иначе мы оба умрём.

Изабель, изо всех сил прижалась к Шатобриану. Всё что угодно, только вот так. Он пришёл, он не испугался,...– эти мысли заставляли трепетать её сердце с невиданной силой. И вместо того чтобы испытывать страх, она...счастливо улыбалась, когда сам Шатобриан выглядел совершенно мрачно. Они спустились по лестнице, пересекли несколько маленьких залов, и уже собирались выйти во двор, когда раздалась громкие крики:

-Именем короля! Задержите герцогиню Д,Эгийон, и человека по имени, Шатобриан.

Шатобриан, ускорил ход, принуждая Изабель идти

быстрее. Им удалось беспрепятственно выйти во двор. Ворота замка были отворены настежь, но путь к свободе перекрывали около двух десятков стражников. Подняв над головами факелы, они внимательно смотрели на всех, кто появлялся из двери. Потому их появление было сразу замечено. - Вот они, вот они, - раздались радостные крики. Шатобриана и Изабель, окружили несколько десятков людей с факелами. Одновременно с этим, на балкон, тянувшийся вдоль всего двора, высыпали все, включая короля, королеву - мать и герцога Де Гиза. Они стали свидетелями короткого боя. Несколько человек, бросились на окружённую пару. Один тут же упал с распоротой щекой. Два других, схватились за живот, упали на землю и корчились в судорогах. Четвёртый, опрокинулся на спину и не подавал признаков жизни. Шатобриан, бесшумно кружился вокруг Изабель, не позволяя никому к ней приблизиться. Эти удары несколько охладили страсти. Их по-прежнему окружали, но не нападали. Лишь ярко освещали факелами место, где они стояли. С балкона донёсся голос короля:

-Сударь, ваше умение владеть шпагой, не может не вызывать глубочайшего восхищения, однако должен заметить, что ваше положение безнадежно.

Сдавайтесь сударь, или нам придётся вас убить.

Услышав голос короля, все вокруг отступили на несколько шагов назад, . Изабель же подняла умоляющий взгляд на Шатобриана, и прошептала:

-Послушай его величество, сдавайся. Не думай обо мне. Ты должен жить, Ренар. Должен жить.

Она была уверена, что он откажется и потому совершенно растерялась когда услышала его ответ:

-Наверное, ты права. Стоит сдаться. Ваше величество, - возвысил голос Шатобриан, - не согласитесь ли вы дать мне немного времени для

раздумья? Мне совсем непросто...отказаться от невесты.

-Конечно, сударь, - милостиво согласился король, - но только не долго. Не стоит испытывать наше терпение.

-Сир, - раздался рядом с королём недовольный голос герцога Де Гиза, - позвольте мне наказать этого человека как он того заслуживает.

-Мы должны быть снисходительны к нашим врагам, - нравоучительно заметил в ответ, король, - к тому же, - продолжал его величество, - мы не сделаем ничего, что могло бы подвергнуть опасности жизнь герцогини Д,Эгийон. Пусть подумает, а мы в это время полюбуемся этим чудесным зрелищем. Как красиво? Матушка, как хорошо, что вы распорядились зажечь эти костры. Глядя на них, хочется слагать стихи.

В то время, как все вокруг подхватили эти слова, и стали повторять их на разный лад, Екатерина Медичи, с удивлением оглядывалась по сторонам. Вскоре, она поняла, что именно имел в виду, король. Один за другим, за стенами замка, прямо на воде, вспыхивали костры. Казалось, что сама река изрыгает огонь. Костры, не просто горели, но ещё и медленно плыли по реке. И это на самом деле выглядело очень красиво. Многие указывали руками в сторону костров и весело смеялись, предполагая, что по реке пустили плоты и подожгли их. В любом случае, это зрелище на какой- то момент заставило всех забыть о существовании пленников. Их охраняли, но не трогали, ожидая решения короля. Изабель не понимала поведения Шатобриана. Он стоял и к чему- то напряжённо прислушивался. Он был настолько поглощён этим занятием, что Изабель невольно последовала его примеру. И это обстоятельство позволило ей услышать отдалённый

гул. Сразу после этого, она расслышала шёпот возле уха.

-Не смотри на ворота, и не отходи от меня ни на шаг!

Вскоре гул стал настолько громким, что стал привлекать внимание и других людей. Они, оглядывались по сторонам, пытаясь понять значение этого шума. Немногим позже, он был услышан и теми, кто стоял на балконе. Герцог Де Гиз, обратил внимание короля на это обстоятельство. Король, некоторое время с удивлением прислушивался. Это уже был не гул, а тяжёлый топот.

-Ещё один сюрприз, матушка, - догадался король, обращая к матери очаровательную улыбку. В этот миг...раздался звук мощного удара, а вслед за ним раздались душераздирающие крики. Стражников, охранявших ворота, буквально разнесло по сторонам. Показались ровные ряды копий со всех сторон, окружённых щитами, на которых...вздымался белый единорог. Следом за первым ударом, последовал другой. Кольцо окружавшее пленников в мгновение ока разорвало. И тут же последовал громовой окрик: -Поднять щиты!

Щиты раздвинулись, открывая ровные ряды воинов готовых к броску. Шатобриан, быстро втолкнул Изабель внутрь, и тут же закричал:

-Сомкнуть щиты!

Щиты сомкнулись, помещая Изабель во внутрь железного панциря. Едва она исчезла под щитами, как раздалась новая команда:

-Отступаем!

Железный панцирь, защищённый со всех сторон копиями, начал быстро отходить назад. Последним отходил, Шатобриан. Повсюду царило такое смятение, что никто и не подумал их атаковать и уж тем более преследовать. Все были настолько поражены, что

долго не могли вымолвить ни единого слова. За исключением стонов раненных, не было слышно других звуков. Наконец, раздался обескураженный голос короля:

-Кто -нибудь объяснит мне, что всё это значит? Всё это построение...очень напоминает железную черепаху римских легионеров. Кстати, кузен, - король повернулся к герцогу де Гизу, и с откровенной иронией спросил, - ваше предложение по поводу Шатобриана...всё ещё в силе?